

БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ»

ИСТОРИЯ
ОРЛОВСКОГО КРАЯ
(конец XIX в. — 1943 г.)

Учебное пособие

Орёл—2026

УДК 9(С 130)
ББК 63.3(2...)
И 90

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Бюджетного учреждения Орловской области
дополнительного профессионального образования
«Институт развития образования»

Рецензенты

И. Е. Воронкова, доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории, философии, рекламы и связей с общественностью ФГБОУ ВПО «Орловский государственный институт экономики и торговли».

Е. А. Антохина, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет».

И 90

История Орловского края (конец XIXв. – 1943 г.) : учебное пособие / Е. А. Ашихмина, Е. Я. Бородина, Н. А. Волобуева, И. В. Гончарова, С. Т. Минаков ; под общ. ред. Л. Н. Жиронкиной. — Орёл : Бюджетное учреждение Орловской области дополнительного профессионального образования «Институт развития образования», 2026. — 88 с. — Текст непосредственный.

Книга включает в себя 10 параграфов. Каждый из них — веха в череде исторических событий, связанных с Орловской областью в период с конца 19 в. до момента её освобождения от войск Германии в 1943 году.

Материалы разработаны с учётом современного уровня исследований по представленному историческому периоду и адаптированы к применению в 9-11 классах.

Пособие содержит иллюстрации, фотографии, ряд документов, которые позволят организовать исследовательскую деятельность учащихся.

Книга является первым выпуском пособия по историческому краеведению Орловщины XX века. Предназначена для использования на уроках и адресована педагогам и обучающимся образовательных организаций, широкому кругу лиц, интересующихся историей родного края.

© Ашихмина Е. Н., §§ 1, 6, 9, 2014

© Бородина Е. Я., §§ 2, 3, 4, 2014

© Гончарова И. В., § 8, 2014

© Минаков С. Т., § 7, 1989

© Бюджетное учреждение Орловской области
дополнительного профессионального образования
«Институт развития образования», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

§ 1. Орёл второй половины XIX века	5
§ 2. Орловская губерния в начале XX века.....	15
§ 3. Орловщина в годы русско-японской войны 1904—1905 гг.	22
§ 4. Орловская губерния в годы первой русской революции 1905—1907 гг.	27
§ 5. Орловская губерния накануне и в годы I мировой войны.....	30
§ 6. Установление Советской власти в Орловской губернии. Коренные изменения в политической и социально-экономической сферах жизни населения (1917—1918 гг.).....	39
§ 7. Гражданская война в Орловском крае.....	47
§ 8. Орловская губерния в период новой экономической политики (1921—1927 гг.).....	55
§ 9. Довоенный Орёл (30-е годы XX века)	61
§ 10. Орловская область в период 1941—1943 годов.....	75

§ 1. Орёл второй половины XIX века.

Реформы, проводившиеся в годы правления Александра II, открыли путь к важным изменениям в жизни России. В конце 60-х — начале 70-х годов XIX века в стране начинается быстрое развитие капитализма. Оно приводит к решительным преобразованиям в производственной и общественной сферах. Одновременно меняется облик русских городов. Помимо архитектурных новшеств, в городской быт активно входят электричество, фотография, телефон. На улицах появляется трамвай. От Петербурга и Москвы по всей стране разбегаются железнодорожные пути. Из столиц в провинцию теперь можно добраться поездом.

Орёл в это время также существенно изменяется. Во второй половине XIX века практически заново отстраиваются многие городские кварталы. Их украшением служат не только старые, но и новые церкви. Высоководные мосты через Оку и Орлик начинают связывать три городских части. Разрастается и хорошеет городской сад. Окончательно формируется облик того Орла, который на всю жизнь остался в памяти писателя Л. Андреева, известного исследователя русского севера В. А. Русанова, композитора В. С. Калинникова, основателя Московского клинического института функциональной диагностики и экспериментальной терапии, создателя отечественного электрокардиографа и изобретателя одноименных капель В. Ф. Зеленина, директора Московского института дефектологии Д. И. Азбукина и ещё и многих других достойных граждан России. В этом городе жили один из лучших историков города Орла Г. М. Пясецкий, создатель первого в России противооспенного препарата С. К. Живописцев, здесь ходили в Первую мужскую гимназию будущий премьер-министр России П. А. Столыпин и будущий директор Московской обсерватории профессор П. К. Штернберг. Именно этот Орёл с любовью опишет впоследствии великий русский писатель И. А. Бунин.

Первая часть Орла, сердце его исторического центра, во второй половине XIX века расширяется и хорошеет. Застраивается каменными зданиями район стрелки Оки и Орлика и набережная правого берега Орлика до церкви Михаила Архангела. На левом берегу Орлика теперь также существует частнохозяйственная застройка. Выстраиваются каменные дома по улице Кромской, хотя здесь сохраняется еще много деревянных построек. Старый городской центр в это время полон жизни. Здесь размещаются Торговые ряды — длинные классические секции магазинов со сдвоенными арочными окнами. Тут торгу-

ют купцы Русановы, Калашниковы, Домогацкие, Бухвостовы. Вдоль Рядов тянется оживлённейшая дорожная «магистраль», на которой мы бы смогли увидеть всё разнообразие тогдашнего гужевого транспорта. А рядом, около городской думы (современное здание театра «Свободное пространство»), всегда было многолюдно — дворяне, мещане, ученики, просители — в здании всегда была масса всяких организаций, включая Сиротский суд и 2-е мужское приходское училище, существовавшее одновременно с Городской и Мещанской управой. По замощённой Гостиной улице в сторону Кромской орловские жители постоянно ездили и шли с торговой площади у Богоявленской церкви, из рыбных рядов, с заокской базарной площади Ильинки.

Одной из самых шумных частей этого городского квартала был участок Воскресенского переулка перед Первой мужской гимназией. Сюда после уроков выбегали мальчишки, здесь они зачастую проводили свои перемены, здесь играли, прыгали и бегали по лужам, как и положено мальчишкам во все времена. Став взрослыми, они будут помнить свою гимназию всю жизнь. 3 мая 1919 года, буквально за четыре месяца до смерти, писатель Леонид Андреев запишет в свой дневник: «Орёл, тепло, пахучая ракета, разлив рек, весёлая гимназическая религия, шатанье по Болховской. Помню: вот я в гимназическом зале, в ожидании очереди идти к старому батьке на исповедь, сижу на подоконнике открытого окна и смотрю на солнечную, тёплую, весенне-тарахтящую улицу...»

Интересно, знал ли Леонид Андреев, какую прелестную картинку старого Орла оставляет он нам на память? Читая эти строки, словно ощущаешь весну в старом Орле, в Воскресенском переулке, мысленно видишь тёплый подоконник гимназии и самого Леонида Андреева, которому так хорошо сидеть на ярком солнце на этом подоконнике и чувствовать, что жизнь только начинается... Известнейшая в городе гимназия (Воскресенский пер., 5) видела в своих стенах такое поразительное количество в будущем замечательных русских ученых, писателей, общественных деятелей, как, наверное, мало какое еще учебное заведение в России. А какие педагоги преподавали тогда в ней! Директором гимназии у Леонида Андреева, например, был Иван Михайлович Белоруссов. По его учебникам русского языка училась вся Россия. Учебник Белоруссова по русской грамматике (этимология и синтаксис) в Российской империи переиздавался с 1883 года двадцать пять раз. В 18-м издании «Грамматика» Белоруссова получила премию Петра Великого. С 1883 по 1895 год воспитателем гимназического Пансиона был известный донской писатель и депутат Государственной думы Фёдор Крюков. В гимназии он был также сверхштатным учителем истории и географии. В Орле Фёдор Крюков препо-

давал также словесность в Кадетском корпусе и Николаевской женской гимназии.

Ныне в здании Первой мужской гимназии находится юридический факультет ОГУ. По существу в этом здании учат юных орловчан с 1786 г.

Здание Городской думы (современное здание театра «Свободное пространство») в это время ремонтируется. В 1870 году на площади напротив Городской думы впервые появляется водоразборная колонка. Потом её заменяет чугунным бассейном с фонтаном. Своеобразное архитектурное оформление этого бассейна отлично видно на дореволюционных орловских фотографиях. Вода шла сюда от водокачки на Левашовой горе (современная Пролетарская гора), а от бассейна у Городской думы водопровод был доведён до бассейна на Кромской площади.

К уже известным церковным сооружениям первой части города в это время добавляется ещё одно. Новой архитектурной доминантой второй половины XIX века стало здание Успенской единоверческой церкви, при закладке которой участвовал митрополит Киевский и Галицкий Филарет (Амфитеатов), оставленный пером Лескова в «Мелочах архиерейской жизни» и во «Владычном суде». Закрытая в 1932 году, церковь была разобрана после войны. А на Николо-Песковской, а ныне улице Нормандия-Неман, в том месте, где в первой половине XIX века мы бы увидели старый церковный сад, в это время вырастает огромное здание Смоленской церкви, освещенной в 1895 году (ул. Нормандия-Неман, 27-а). Оно также сменило прежнюю церковную постройку. Ещё одно церковное здание, деревянное, возникает в этом районе современного Орла в 1884 году на месте деревянной часовни вблизи парка «Ботаника» на старообрядческом Лутовом кладбище. Это — церковь во имя Николая Чудотворца, иначе называвшаяся Лутовской. Ничто сейчас не напоминает нам, приходящим в этот старый парк, ни о церкви, ни о кладбище, на котором она помещалась. Сама «Ботаника» и Лутово кладбище, конечно, в то время были ещё далеко за городом, далеко даже от пригородной Стрелецкой слободы. Казённый же «древесный питомник с ботаническим садом при нём» был открыт ещё в 1845 г. Рядом с ним ставил свои бараки для летних лагерей Бахтина кадетский корпус.

Со второй, Заокской и третьей, Заорлицкой частью, во второй половине XIX века город стал соединяться металлическими мостами, строительство которых велось обществом Брянских заводов. Старожил города Орла И. М. Пухальский вспоминает, что в постройке мостов принимали участие пленные турки. В феврале 1879 года техническая комиссия приняла первый из мостов — Мариинский — проведённый через Оку от рядов на её правый берег. А ровно

через год — в 1880-м — был открыт мост через Орлик, названный Александровским. Мосты получили имена в честь царствующего императора и его супруги, которая занималась благотворительной деятельностью и в годы русско-турецкой войны 1877—1878 гг., выражала благодарность орловскому земству и дворянству за активную финансовую поддержку раненых русских воинов. Интересно, что по просьбе городских властей орловский губернатор К. Н. Боборыкин просил императорского разрешения назвать таким образом новые мосты, причём разрешение было получено не сразу. Оба этих моста, надёжные и оригинальные по своему внешнему виду, были разрушены в 1943 году и впоследствии были отстроены заново под названиями Александровского и Красного.

Вторая городская часть в это время вынуждена была проститься со старой хлебной пристанью, бывшей с XVII века главным градообразующим предприятием. В 1868 году были открыты участки железной дороги «Москва — Орёл» и «Орёл — Курск». Далее прокладывались рельсы до Харькова. Хлеб стало возможно перевозить в столичные центры более дешёвым, быстрым и безопасным способом. В 1868 года, природа естественным образом «помогла» завершить эпоху орловской пристани: из-за резкого потепления в январе этого года неожиданно вскрылась Ока. Она разломала пристанные сооружения, которые уже никогда не были восстановлены. Сотни орловцев, чья жизнь была связана с пристанью — купцы, владельцы судов, амбаров, судостроители — почти сразу потеряли прежнюю работу. В самом начале, когда железнодорожные перевозки ещё были дороги, пристань продолжала свою работу, пусть и без прежнего размаха. Но время шло, и железная дорога победила старинные барки и струги. Город, который ещё в 70-е годы XIX века был преимущественно купеческим, город, выстроенный в своей 2-ой части специально, чтобы обслуживать пристань, начинал испытывать системный кризис и разорялся. Общему разорению способствовал и крах Орловского городского банка в 1887 году. Беспрецедентным случаем можно считать последовавший указ Императора Николая II о прямом, невыборном назначении орловским городским головой коллежского советника Д. С. Волкова.

Вследствие потери пристани кромка правого окского берега быстро беднела. Новая производственная деятельность большинства населения вскоре началась в сфере промышленного производства. Орловское заводское и фабричное производство осваивает именно этот район Орла. Ещё в 1854 году в районе Покровской слободы открывается чугуноплавильный завод братьев Перелыгиных, давший начало известному «АО Текмаш». Во второй половине XIX века тут отливают молотилки для мельниц, детали к конным приводам,

чугунные ограды. В 1868 году открывается механическое заведение братьев Кале, выросшее потом в машиностроительный завод им. Медведева. Тогда оно делало оборудование для производства минеральных вод. Сначала это были очень небольшие производства, но они достаточно быстро росли. Вокруг них вырастали рабочие кварталы. В треугольнике современных улиц «Московская — Грузовая — Ляшко» по обе стороны уже несуществующего ручья Ленивец и далее к новому вокзалу давались под застройку участки для служащих железной дороги. Так выростала Пеньевская слобода (от слова «пеньи» — пни. Пни оставались после вырубki существовавший на этом месте роши), а по Московской дороге — слобода Покровская. И везде кипела и билась бедная и сложная окраинная жизнь.

Центром второй части города по-прежнему оставалась его главная базарная площадь Ильинка. Она находилась на месте современного сквера Танкистов. Площадь того времени открывается памятной часовней во имя Александра Невского. Она была поставлена в честь избавления Александра II от неудавшегося покушения. Без сомнения, Ильинка была одним из самых колоритных мест в Орле. Горожане здесь не только торговали, но и проводили свой досуг, достаточно типичный для жителей любого губернского города того времени. Тут брали по копейке со зрителя за просмотр картинок в райке — «ящике-панораме», комментируя публике представляемые виды городов («Париж! Как увидишь, так угоришь!») или эпизоды русско-турецкой войны. Тут кукольники показывали незатейливые спектакли с марионетками, сопровождая их собственной игрой на балалайке. На Пасху на Ильинке устраивались представления с Петрушкой. На масленице Ильинка и Крестовоздвиженская площади (возле современного кинотеатра «Родина») украшались балаганами. На Воздвиженке с удовольствием катались на карусели с деревянными лошадками и лодками. На площадях слушали балалаечников и гармонистов. На Новый год военные музыканты по 5—10 человек ходили около лавочек и трактиров, играли «Персидский марш», получали за это на чай. Барабанщики по трое-пятеро выстраивались перед торговыми лавками и выбивали дробь. С Нового года и до прощеного дня масленицы в Орле, как пишет мемуарист И. М. Пухальский, горожане катались на лошадях по Московской улице «от Очного (Мариинского) моста до Московских ворот. Катались богатые и бедные — на извозчиках. Щеголи накидывали синие и красные сетки на лошадей. Городовые следили за порядком». Горожане и приезжавшие в базарные дни жители деревень любили покупать у торговцев связки особых желтых бубликов, окрашенных шафраном, лакомиться медовым маком, гречишниками, политыми конопляным маслом, «сахарным мороженым», горячим сбитнем по

копейке за кружку, пирожками с горохом, с кашей, кулебякой, начиненной кашей с печёнкой или молочной кашей, вкуснейшими орловскими ситниками по 3 копейке пара, которыми долгое время на Ильинке торговал рыжий мужик по прозвищу Хобот.

На Благовещение на Ильинке покупали и тут же выпускали купленных синиц, чижиков, щеглов; в первый день Пасхи звонили на колокольнях. На Пасху бились яйцами. Сначала покупали десяток и бились до тех пор, пока оставалось одно неразбитое яйцо. «Азарт доходил до сотни», — вспоминает мемуарист.

Помимо этого, было много сезонных событий со своими удовольствиями: в январе недалеко отсюда смельчаки купались в крещенской проруби; весной радовались продаваемым на площади свежеиспеченным жаворонкам, разукрашенным золотой бумагой; на масленице булочники пекли для орловчан особые длинные «прощеные булки», высокие, круглые. «Прощеники» покупали зятя и крестники. Тёщи, крестные матери и отцы отдаривались ситцем на рубаху, а иногда и шерстяной материей... Летом здесь гоняли голубей.

В день святых Фрола и Лавра (18 августа) вблизи Александровской часовни на Ильинке ставился аналой с иконой этих святых и служился молебен с водосвятием святым, покровителям лошадей. Тут же рядом стояли сами лошади, которых приводили извозчики. Их гривы и хвосты были убраны лентами. Некоторые приносили служившему причту коврижки хлеба, на которых изображались следы в форме подковы. В этот день на лошадях не работали. Иногда «для здоровья» их обливали пивом.

На той же площади в числе традиционно написанных самодеятельными художниками икон, обязательно имели и святого Сесилия, у ног которого изображались в реке двенадцать простоволосых обнажённых дев, символизирующих «дочерей Ирода» – лихорадок — Плясовицы, Трясовицы, Лихоманки, злой, лихой, чёрной и прочих. Такая икона покупалась в основном приезжими крестьянами для предохранения от болезней. Они же покупали и икону святого Христофора, написанного с... головой коня. Церковью такие иконы, конечно же, не одобрялись и в церковных лавках не продавались.

Во второй половине XIX века там, где сейчас стоит «Универмаг», вблизи небольшой Преображенской церкви, начинается строительство грандиозной по своим размерам церкви Покровской. Оно будет полностью завершено лишь в начале XX века, после чего её здание станет одним из самых значительных сооружений Орла. Обе церкви будут разрушены в советское время. Покровскую взорвут в 1948 году, а Преображенскую — в 1965 году. Но во второй половине XIX века обе постройки казались прекрасными и вечными.

Не забудем, что Ильинка была центром торговли во многом из-за того, что это площадь предвляла выезд к хлебной пристани. Зимой по пяти Курским улицам к пристани подъезжали бесконечные возы с зерном и другими товарами. Многие торговые сделки совершались на Ильинке. Вблизи неё располагались известные постоянные дворы.

От часовни Александра Невского расходились улицы – Московская и Новосильская (современная ул. Пушкинская). Обе они в это время быстро застраиваются современными зданиями. В числе самых интересных из них — дом купца Аполлонова (Московская, 26), построенный в конце 1890 года. На первом этаже дома находился известный в городе гастроном. Затем дом по Московской, 29, построенный в 1856 году купцом А. Н. Перелыгиным. До сих пор он украшает Орёл. До революции 1917 года в нём в разное время размещались Городской общественный банк, штаб 51 драгунского полка, а затем штаб 17-го гусарского Черниговского полка, шефами которого были Великий кн. Михаил Александрович и Великая кн. Елизавета Фёдоровна, причисленная к лику святых.

Ещё одним центром этого района была Крестовоздвиженская площадь (Воздвиженская), названная так по церкви, стоявшей в старом парке между современным кинотеатром «Родина» и памятником Н. Н. Поликарпову. Помимо пасхальных балаганов, каруселей и лавок с угощениями, на площади происходили ещё и кулачные бои. Их, правда, официально запретили в 60-е годы XIX века.

Воздвиженская площадь существовала ещё и после Великой Отечественной войны, хотя церковь вблизи неё, в которой отпевали генерала Ермолова и служили панихиду по Т. Г. Шевченко в 1861 году, была взорвана в 30-е годы. Одно время эта площадь значилась как Промышленная, но теперь вся её территория подверглась плотной застройке.

Пройдя по этой стороне Московской улицы, горожанин того времени неизменно выходил к бывшей границе Орла, которую отмечали Московские ворота с орлом наверху. Московские ворота были чуть впереди дома по улице Московской, 44, сохранившегося до настоящего времени. Раньше его так и называли: «Дом у Московских ворот». Наверху ворот была дата — 1786 год. В следующем за этим году Орёл посетила Екатерина II. По улице Московской до самого вокзала любил гулять молодой Иван Бунин, тогдашний сотрудник орловской газеты «Орловский вестник». Эти прогулки он опишет впоследствии в своей «Жизни Арсеньева».

Налево от Московских ворот в конце XIX века по инициативе губернатора А. Н. Трубникова будет заложен бульвар, сохранившийся до наших дней

под именем его создателя. А совсем рядом с ним в том Орле мы бы увидели большое городское кладбище, известное как Сергиевское, с Сергиевской кладбищенской церковью на нём. В годы, когда в Орле жили И. Бунин и Л. Андреев, в Сергиевской церкви служил дед писателя М. Булгакова И. А. Булгаков. Кстати, отец М. Булгакова в своё время окончил Орловскую духовную семинарию, где слушал лекции профессора Г. М. Пясецкого. Недалеко от Сергиевского кладбища, но на правой стороне улицы там, где находится музыкальная школа № 2, в конце XIX века в форме креста была выстроена Покровская церковь Черниговского полка.

Из новых церковных зданий этой части Орла следует назвать Тихвинскую надвратную (1865 г.), Воскресенскую (1885 г.) и Троицкую (1887 г.) церкви, в совокупности с Христорождественской (1800-1822 гг.) завершившие создание ансамбля Введенского (Христорождественского) женского монастыря в конце 1-ой Курской улицы и Кирилло-Мефодиевскую церковь при первом духовном училище, выстроенную фасадом на Мацневский переулок (совр. улица Русанова) между 3-ей и 4-ой Курскими улицами.

И, конечно, тот Орёл был известен всей России благодаря двухэтажному, в то время белому зданию своего вокзала, построенного в 1868 году. Этот вокзал первым встречал Л. Н. Толстого, И. А. Бунина, Л. Н. Андреева, П. А. Столыпина, Великого князя Михаила Александровича и многих других достойных граждан своего времени.

Третья часть Орла в это время определяет лицо губернского города. Её визитной карточкой является Болховская улица (современная улица Ленина). На ней практически нет деревянных домов. Здесь размещаются самые модные и дорогие магазины. Тут торгуют Авиловы, Бакины, Кулабуховы, Калашниковы, Подшиваловы. Это — по-столичному отстроенная улица, пропитанная духом поднимающегося капитализма. В 1895 году на ней появляется электрическое освещение. В 1898 году с Ильинской площади сюда впервые придёт трамвай. Реставрации подвергается здесь всё, что в первой половине XIX века считалось в плане оформления зданий достаточным. Капитальному ремонту подвергается старенькая Георгиевская церковь (место совр. кинотеатра «Победа»). В 1891 году у неё появляется новая колокольня. С этой колокольни потом будут делаться лучшие городские фотоснимки начала XIX века. Кстати, здесь же на Болховской в 1870 году открывается первая орловская фотография. Болховская ещё раньше стала любимым местом прогулок орловчан. Так же было и во второй половине века. Здесь нравилось гулять молодому Бунину. Кто не помнит его описаний Орла из «Жизни Арсеньева»: «Я шёл вниз по Болховской, глядя в темнеющее небо, — в небе маячили очертания крыш ста-

рых домов, непонятная успокаивающая прелесть этих очертаний... Зажигались фонари, тепло освещались окна магазинов, вечер синел, как синька, в городе становилось сладко, уютно»... Или вот это: «Я пошёл по городу. Сперва, как вчера, вниз по Болховской, с Болховской по Московской, длинной торговой улице, ведущей на вокзал, шёл по ней, пока она не закончилась запылёнными триумфальными воротами...» А вот если бы он поднимался по Болховской вверх, то справа на месте театра им. И. С. Тургенева он бы увидел здание Дворянского собрания. Бунин не раз танцевал здесь на орловских балах. Он запомнил это здание навсегда, написав о нем в начале 30-х годов во французском Грассе: «Эта великолепная пустота залы, предшествующая балу, её свежий холод, тяжкая гроздь люстры, насквозь играющей алмазным сиянием, огромные нагие окна, лоск и ещё вольная просторность паркета, запах живых цветов, пудры, духов, бальной белой лайки... ожидание звучности первого грома с хор...». Увы, Дом Дворянского собрания погиб в октябре 1919 года. А вот и улица Садовая с аллеей «свежих, прозрачно-тенистых лип», на улице, которую Бунин назвал «длинной и светлой». Впереди — Петропавловский кафедральный собор, часто в это время ремонтируемый, молчаливый. И его оставит И. Бунин в своей «Жизни Арсеньева»: «Я прошёл вдоль присутственных мест, свернул на пустую площадь, посреди которой поднимался собор, теряясь чуть блестящим золотым куполом в звёздном небе...» Разве мог думать он тогда, что на месте кафедрального собора в 1958 году выстроят библиотеку, которая впоследствии получит его собственное имя!

Если бы Бунин с улицы Болховской взглянул вперёд, он увидел бы на месте современного Главпочтамта орловский купеческий клуб, а перпендикулярно — известнейшее в городе здание Александринского Института благородных девиц, стоявшее с 1865 года между нынешними Дворцом Творчества детей и юношества им. Гагарина и «Выставочным залом». Институт окружал прекрасный липовый парк. Он выходил на Верхне-Дворянскую улицу. А сама улица шла к Бахтина Кадетскому корпусу, который в период реформ Александра II становится военной гимназией. Четырёхэтажное здание корпуса, самое большое в дореволюционном Орле (площадь графа Каменского, остановка «Сквер Гуртьева»), смотрело на Плац или иначе на Соборную площадь, место орловских парадов и торжественных шествий. Площадь, таким образом, завершалась двумя крупными архитектурными доминантами — зданием корпуса и Петропавловским собором. В 1943 году были разрушены здания Кадетского корпуса и Александринского института, к тому времени уже сменившие множество назначений. Так, перед Великой Отечественной войной в бывшем Кадетском корпусе размещалась бронетанковая школа, а в Институте — руко-

водство Орловского военного округа. Аккуратный в основном двухэтажный, выстроенный в классическом стиле центр Орла фактически весь был уничтожен в ходе боев 1943 года. Всё, что было построено после войны, было абсолютно иным. Город оказался настолько другим, что те, кто видел его до войны, говорили: «Я приехал в Орёл и не узнал его»...

Украшением губернского Орла был его городской сад, разросшийся и не раз обновлявшийся с 1823 года. У самого входа в сад был театр, построенный в 1861—1862 годах там, где сегодня мы видим парковую колоннаду. В саду были фонтан, беседки, солнечные часы. Современники вспоминают: «Городской сад в Орле был чудесный, густой, как лес, с великолепными аллеями, с дорожками, спускавшимися к Оке». В парке играл оркестр. И. Бунин запомнил его так: «В конце аллеи в сияющей цветными шкаликами раковине томно разливался вальсом, рычал и гремел во все свои медные трубы и литавры военный оркестр». Выступление оркестра заканчивалось маршем в 22.00.

Очень любил орловский городской сад писатель Леонид Андреев. В 1892 году он писал: «Всё-таки в Орёл очень хочется, хочется в городском саду погулять... Не знаю, есть ли ещё где в провинции такое любопытное место, как наш городской сад, он принадлежность только одного Орла. Бывал я в разных городах, но подобного учреждения не встречал...». Обычно парк был полон гуляющих. Скамейки над Окой всегда были заняты: отсюда открывался живописный вид на всю Заокскую сторону и Московскую дорогу. На одной из скамеек по преданию любил сидеть И. С. Тургенев.

К саду примыкал Тюремный замок. Дальше шёл комплекс церковью архиерейского дома. Местность эта называлась Монастыркой чуть ли не с XVII века. В 1879 году на территории резиденции орловских епископов был выстроен Троицкий собор, белоснежный красавец, прекрасно дополнивший три здешних церкви, уже известные Орлу Успенскую (1693 г.), Иоанна Предтечи (предельную, 1700 г.), Троицкую (1845 г.) – усыпальницу Кочубеев. Сюда, к церквям архиерейского дома, любил совершать пешие прогулки Леонид Андреев. Место это как нельзя лучше располагало к философским размышлениям о Боге, о человечестве, о Вселенной... Отсюда по улице Садовой Леонид Андреев возвращался домой, на улицу 2-ю Пушкирную, 41. Он шел, должно быть, до другого конца Садовой улицы. Улица эта, как вспоминает Б. Л. Изралевский, «была тихая и справедливо называлась Садовой – она утопала в пышной богатой зелени. Мне казалось, – пишет он далее, – что сама тургеневская поэзия была разлита вокруг». Это впечатление «тургеневской поэзии» Орла второй половины XIX века, вероятно, трогало не одну романтическую душу тогдашней молодёжи. Помните, как Бунин в «Жизни Арсеньева» ходил на

Третью Дворянскую смотреть дом Лизы Калитиной? Садовая заканчивалась Бодискиной горой и мостом, который вёл прямо на улицу 2-ю Пушкарную. В тихом губернском городе далеко по Орлику разносился колокольный звон церкви Михаила Архангела. Этот звон доносится до нас со страниц произведений Бунина и Андреева. В том, что они оба стали большими писателями, Орёл сыграл свою роль.

§ 2. Орловская губерния в начале XX века.

В начале XX века население Орловской губернии составляло более 2,5 млн. человек. Ее территория была разделена на 12 уездов: Орловский, Брянский, Елецкий, Ливенский, Севский, Трубчевский, Карачевский, Кромской, Мценский, Малоархангельский, Болховской и Дмитровский.

Кроме 12 городов она насчитывала 201 волость с 7 426 сельскими посе-

Город Орёл в начале 20 века

лениями. Формально к их числу относились и довольно густонаселённые рабочие посёлки Брянского уезда: Брянский завод (80 тыс. чел.), Мальцевский завод (60 тыс. чел.), Бежица (45 тыс. чел.), Радица (10 тыс. чел.), железнодорожный посёлок (13 тыс. чел.). Из 12 городов губернии большинство были ремеслен-

но-торговыми, относясь к разряду средних и малых городов. Орёл, с его почти 100-тысячным населением, был, кроме того, чиновничьим городом, административным центром. Это были старые города с давно сложившимся укладом жизни. Расположение региона в центре страны способствовало *развитию сети железных дорог*. Магистральными линиями были Московско-Курская дорога, пересекавшая губернию с севера на юг, Риги-Орловская и Орловско-Грязская — с запада на восток. Плотность железнодорожной сети более чем в 2 раза превосходила средний показатель по Европейской России.

1. Положение в сельском хозяйстве.

Орловская губерния начала XX века – это один из самых отсталых сельскохозяйственных районов земледельческого центра России, где помещичье землевладение сохранилось в большой степени. Большинство населения губернии (88 %) проживало в сельской местности и занималось земледелием.

Статистические данные за 1905 г. свидетельствуют о наличии в Орловской губернии более 4 млн. десятин земли. Собственностью 2189 помещиков

были 845 123 десятины земли или в среднем по 386,1 десятины на поместье. Крестьянам и крестьянским обществам вместе с купчей землёй принадлежали 2 393 583 десятин или 50,5 процентов всех земель губернии. На них ютились 286 166 крестьянских хозяйств, имевших на двор в среднем по 7 десятин земли. Остальные земли были собственностью казны и удела.

Распределение крестьянской земли было далеко неравномерным. 12% всех крестьянских дворов принадлежало зажиточным хозяевам, которые владели 20% всей надельной земли. На долю 88% крестьянских хозяйств приходилось немногим более 6 десятин на двор, а 117 250 крестьянских дворов имели в среднем по 3,5 десятин надельной земли.

Крестьяне Орловской губернии вынуждены были ежегодно арендовать на невыгодных для себя условиях 358,1 тыс. десятин земли. Для помещиков это являлось средством извлечения прибыли и экономического закабаления крестьян.

Так же достаточно широко была распространена сдача в аренду надельной крестьянской земли. Так, например, в Дмитровском уезде надельную землю сдавали 3 368 крестьянских дворов из 14 842 дворов в уезде.

Это происходило по нескольким причинам. Во-первых, крестьянская община мешала разоряющемуся крестьянству полностью развязаться с землёй и превратиться в наёмного рабочего. Во-вторых, в Орловской губернии промышленность была развита слабо и поэтому пролетарии боялись окончательно порвать с землёй. Особенно это проявилось в 1900–1903 гг. в период промышленного кризиса, который косвенно сказался и в аграрной сфере. Масса выброшенных на улицу рабочих вернулись в деревню. В условиях хронического малоземелья это ещё более ухудшило и без того тяжёлое положение крестьянства.

Плата за аренду земли была денежной, в виде отработок или же смешанной. Так, в имении помещика Орловского уезда С. Н. Шеншина наёмные рабочие обрабатывали всю пахотную землю, но его «покосы убираются крестьянами из 1/3 части».

Особенно тяжёлыми и разорительными для крестьян были отработки, которые по существу ничем не отличались от старой барщины. Существовали различные формы отработок: за землю, за выпас за прогон, за водопой и т. д. По причине отработок и кабальной аренды земли сельское хозяйство Орловской губернии приходило в упадок, а крестьяне разорялись и нищали.

Об этом свидетельствует и неуклонное сокращение поголовья скота. Так, по данным военно-конских переписей, количество рабочих лошадей у крестьян уменьшилось за 12 лет с 1888 г. по 1899 г. на 20,9 процентов. Это привело

к резкому увеличению количества безлошадных и однолошадных крестьян. В связи с этим сократилось применение в крестьянском хозяйстве органических удобрений. Так, в 1910 г. В Кромском уезде из всей крестьянской посевной площади уезда удобрялось менее 1/5 её части, а 4/5 оставались без удобрения.

Плохая обработка земли, отсутствие достаточного количества удобрений привели к катастрофическому уменьшению валового сбора зерна с крестьянских хозяйств. Урожайность ведущих зерновых культур на крестьянских полях колебалась от 45 до 50 пудов с десятин посева.

Почти каждый третий год был неурожайным, а значит голодным. Даже в урожайном 1900 г. Около 3/4 крестьянского населения губернии испытывало недостаток в хлебе. «Помощь» голодающим крестьянам оказывали их зажиточные односельчане, помещики и торговцы. «В нашем селе, — писал земский корреспондент из Кромского уезда, — живут два дмитровских мещанина; они постоянно дают хлеб в долг. Дадут 20 пудов, а расписку пишут на 40; дадут весной с условием отдать 1 августа... Должники хорошо понимают своё разорение, да деваться некуда. И прочие заимодавцы так поступают».

Обычной пищей крестьян были постные щи или суп, пшенная каша, чёрный хлеб и картофель. Только у зажиточных крестьян по «великим» праздникам и «в рабочую пору» к столу подавалось мясо.

Из года в год росли недоимки по различным видам налогов. По сведениям «местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности» в среднем на каждый крестьянский двор бывших помещичьих крестьян приходилось 79 руб. 30 коп. выкупных платежей. 75 процентов доходной части крестьянского бюджета уходило на выплату прямых и косвенных налогов.

Выход из тяжёлого экономического положения орловские крестьяне искали в переселении в другие районы страны. Так, за 12 лет, с 1897 по 1909 гг. из Орловской губернии выехало 75 тысяч человек обоего пола.

С каждым годом росло число отходников-крестьян, отправившихся на поиски работы за пределы своего края. Если в 1896 г. их было 147 206 человек, то в 1907 г. — 226 184 человека. Более 40 процентов всех отходников шло из Елецкого, Ливенского и Малоархангельского уезда на шахты Донбасса, рудники Криворожья, на сельскохозяйственные работы в южные губернии страны. Условия труда их были тяжёлые, а оплата низкая. По словам земского корреспондента из Карачевского уезда «многие уходили на работу в Таврическую губернию и воротились ни с чем. Дошли до дому, собирая подаяние».

Безвыходное положение разорившихся крестьян заставляло их наниматься батраками и поденщиками к помещикам и зажиточным односельчанам. Их

рабочее время не нормировалось никакими законами. Месячная оплата мужчин составляла 3 руб. 90 коп.; женщин — 2 руб. 17 коп.; подростков — 1 руб. 66 коп.

Многие крестьянские семьи были вынуждены заниматься промыслами без отрыва от земледелия. К 1913 году в губернии насчитывалось 60 разновидностей промыслов, в которых было занято 64,3 тысячи человек. В Елецком и Мценском уездах женщины и девочки вязали кружева, в Ливенском и Малоархангельском уездах крестьяне вязали чуни, изготавливали гармоники, мельничные жернова, в Дмитровском и Карачевском уездах гнали смолу и дёготь, делали деревянные бороны, телеги, сани, в Болховском уезде выделывали кожи.

Таким образом, орловская деревня представляла собой регион, в котором процесс развития производительных сил в сельском хозяйстве протекал по-прежнему медленно. Главным тормозом при низкой агротехнике являлось крестьянское малоземелье и недоимки по различным видам налогов.

2. Развитие промышленности и положение рабочих.

Промышленность Орловской губернии в начале XX века по числу занятого в ней населения и по стоимости выпускаемой продукции занимала второстепенное место и была развита слабо. На долю промышленности в 1913 году приходилась лишь четвертая часть стоимости всей валовой продукции губернии.

Из 254 предприятий фабрично-заводского типа преобладали мелкие, числом рабочих от 3-5 до нескольких десятков, которые занимались переработкой местного сельскохозяйственного сырья: кожи, конопли, льна. Значительная доля предприятий относилась к пищевой промышленности. Это были винокуренные, крахмальные заводы, мельницы и маслобойни. К балтийским портам России из Орловской губернии ежегодно вывозилось около 2 млн. пудов муки, 2 млн. пудов пеньки, 150 тыс. пудов растительного масла.

В 1905 г. в губернии насчитывалось 9 193 фабрики и завода, на которых работало 40 071 человек. Но только 7 фабрик и заводов в Брянском уезде были крупными предприятиями с числом рабочих более 500 человек. На самом крупном предприятии города Орла, чугунолитейном заводе Хрущёва было занято 90 рабочих, на сахарно-механическом заводе Кале — 17 рабочих.

Промышленный и аграрный кризис 1900–1903 гг. достаточно болезненно затронул Орловщину. 73 предприятия были закрыты и 4,3 тыс. рабочих стали

безработными. Так, на Брянском рельсопрокатном заводе за 3 года кризиса было уволено 3 705 рабочих.

В годы нового промышленного подъёма на Орловщине среднегодовая стоимость промышленной продукции возросла с 34,8 млн. руб. в начале XX века до 54,4 млн. руб. В 1909–1913 гг. вступили в действие 8 новых спиртовых и 5 лесопильных заводов. Завершилось строительство Орловского элеватора на 40 тысяч пудов зерна.

С начала XX века в промышленности губернии наблюдается тенденция к концентрации производства. За 1909–1913 гг. стоимость годовой продукции Акционерного общества Брянских заводов, которые входили в синдикат «Продамет», увеличилась с 14 млн. до 47,7 млн. рублей, т.е. в три с лишним раза. Аукционное общество Мальцевских заводов в Брянском уезде объединяло 11 различных предприятий. Стоимость годовой продукции на них за этот же период возросла с 9,8 млн. до 20 млн. рублей, а чистая прибыль акционеров — с 0,9 млн. до 4 млн. рублей в год.

Однако рост промышленного производства на предприятиях губернии осуществлялся не за счёт технической оснащённости, а за счёт интенсификации труда рабочих. Промышленники предпринимали решительное наступление на рабочих, заметно повышая уровень их эксплуатации. В погоне за прибылью они удлиняли рабочий день, который, как правило, превышал 12 часов. Так, на Брянском рельсопрокатном заводе рабочие трудились с 6 часов утра до 8 часов вечера. На пенькотрепальных заводах рабочие вручную работали «по обычаю» т.е. от зари до зари, летом по 17–18 часов, а зимой по 10. Такими же тяжёлыми были условия труда в булочных заведениях. В листовке, адресованной к булочникам, говорилось: «В душной комнате работаете вы от зари до зари. Жара невыносимая. Пот льёт градом. Глаза выедаёт дым. Нет времени ни сесть ни отдохнуть. И за все эти муки спишь на чём попало. В комнате душно, повсюду грязь, вонь, дыхание спирает, а круглосуточная работа даёт знать. Поневоле заснёшь даже в этом аду. А хозяин подаёт, как милостыню, грошовое жалование».

Рабочие получали нищенскую зарплату. Так, на Радицкой стекольной фабрике чернорабочий за 12 часовой рабочий день получал 30 коп., стрелочники и сцепщики на Орловском железнодорожном узле зарабатывали 10–12 руб. в месяц, наиболее квалифицированные рабочие стекольных заводов в среднем 15 руб. в месяц. За 1905 г. рабочим-стекольщикам было выплачено 248 тыс. рублей заработной платы, а чистая прибыль заводчиков составляла 225 тыс. рублей. Ещё более низкую зарплату получали рабочие мелких предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья. Так, на маслоза-

воде купца Крашенинникова в Севском уезде средний заработок рабочего составлял 20 коп. в день, на крахмальном заводе генерала Чебышева в Елецком уезде — 25 коп. в день.

Заработная плата рабочих уменьшалась не только путём систематического снижения её, но и различными вычетами штрафов, которые отнимали от одной трети до половины их зарплаты и являлись в руках фабрикантов дополнительным источником эксплуатации. Рабочих штрафовали «за нарушение тишины», «за вход и выход не через те ворота», «за неисправное состояние станков и инструментов». Полученная рабочими зарплата не покрывала самых насущных расходов рабочих семей, и они часто голодали. Рабочие Бытошевского завода в заявлении на имя инженера Орловско-Тульского округа в декабре 1903 г. писали: «Мы остаёмся без куска хлеба, разувши и раздевши, а контора завода к завершению всех бед и разорений, совсем запретила возить дрова, заготовленные нами в заводских дачах».

Рабочие и их семьи жили в тяжёлых квартирных условиях, о чём свидетельствует рассказ старого рабочего Брянского паровозостроительного завода Кучерова: «В квартире с площадью 5—7 аршин жили по две семьи, нередко с населением в ней до 25-ти душ разного пола и возраста».

На здоровье рабочих глубоко отражалось антисанитарное состояние производственных помещений, плохое освещение. На низком уровне находилась техника безопасности, что приводило к частым несчастным случаям на производстве. На промышленных предприятиях губернии ежегодно происходило 176-200 несчастных случаев на каждую тысячу рабочих — втрое больше чем в среднем по России. Широко использовался труд детей. Каждый шестой рабочий на предприятиях Орловской губернии был подростком.

Беспощадная эксплуатация сочеталась с произволом властей над личностью рабочих, не имевших никаких политических прав.

Документы

Из воспоминаний рабочего завода «Текмаш» С. И. Матвеева об условиях детского труда в начале XX века.

...Пятнадцати лет стал я работать учеником в литейном цехе. Работа была очень тяжёлая, всё делалось вручную. В саду находился конный привод, который приводил в движение токарные станки в механическом цехе. Нас, подростков из всех цехов, заставляли по очереди погонять лошадей. Уйти из душного цеха на воздух было большой радостью. В литейном цехе приходилось работать с таким напряжением, что пот с нас лил ручьями и часто в изнеможении мы бросались прямо в снег. Кто не выдержит, заболевает, помощи никакой не получал. На весь город Орёл была одна больница. Попасть в неё было очень трудно. Платить же врачу было нечем... Однажды я обжёг ногу, болел больше месяца и ничего за это время не получил... Жили мы далеко, и, чтобы вовремя попасть на работу, приходилось вставать в 4 часа утра, а работали по 12–13 часов в сутки. Если сунет мать кусок хлеба — поешь его, и это на весь день, до глубокого вечера... Когда был учеником, мне платили 10 копеек в день, потом на формовке стал зарабатывать 25–30 копеек, а став квалифицированным формовщиком, получал 70–80 копеек.

(Настоящее и прошлое завода «Текмаш». Орловское книжное издательство. 1959. С. 12–13).

§ 3. Орловский край и его жители в годы русско-японской войны 1904–1905 гг.

В начале XX в., избегая конфликтов с великими державами, Россия перенесла центр внешней политики на Дальний Восток. В 1898 году Россия получила от Китая в аренду на 25 лет незамерзающий Порт-Артур с правом превращения его в военно-морскую базу. Русское акционерное общество эксплуатировало естественные богатства на северо-востоке Китая в Маньчжурии. Китай разрешил России строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) до Владивостока через Южную Маньчжурию. Всё это вызвало большое недовольство Японии, которая, заручившись поддержкой Западных держав, развязала войну с Россией.

В события русско-японской войны была вовлечена и Орловщина. В боевых действиях на сопках Маньчжурии активно участвовал расквартированный в Орле с 1886 года 51-й Черниговский драгунский полк, штаб которого находился в бывшем доме купца А. Н. Перелыгина, где в наши дни на перекрестке улиц Революции и Московской располагается коммерческий «Церих-БАНК».

В начале мая 1904 года в Покровской церкви 51-го Черниговского драгунского полка, которая стояла на том самом месте, где ныне находится музыкальная школа № 2 на ул. Кольцова, прошло Богослужение. На нём присутствовал император Николай II, совершавший поездку по стране в связи с начавшейся войной, а также Великий князь Николай Николаевич, Великий князь Михаил Александрович и Великий князь Сергей Александрович. Царь благословил воинов на ратный подвиг. В начале июня 1904 года Великая княгиня Елизавета Фёдоровна сестра императрицы, являвшаяся августейшим шефом 51-го Черниговского полка, специально приезжала в Орёл провожать Черниговцев на театр военных действий с японцами. Она подарила икону Покрова Пресвятой Богородицы и походную полотняную церковь. Отца Митрофана Сребрянского — настоятеля Покровского полкового храма, Елизавета Фёдоровна благословила серебряным наперсным крестом со своими инициалами. Командир подшефного полка, все офицеры, а так же низшие чины были благословлены небольшими шейными образками с изображением Святого Георгия Победоносца.

Протоиерей Митрофан Сребрянский вместе с орловскими драгунами под командованием полковника В. С. Зенкевича 11 июня 1904 года отправился на фронт.

Отец Митрофан вёл в течение двух лет дневник, талантливо описывая военные будни однополчан под Мукденом и Ляояном, о чём могли прочитать земляки в «Орловских епархиальных ведомостях». Позднее дневник полкового священника 51-го Черниговского полка был издан в Орле в 1906 году.

В боевых действиях русско-японской войны принимали также участие и другие воинские подразделения, расквартированные до этого на Орловщине: 52-й Кеженский драгунский полк, находившийся в г. Ельце, 138-й Болховский, 21-й Елецкий, 34-й Севский, 35-й Брянский, 36-й Орловский пехотные полки, успешно действовавшие во многих сражениях.

Первое столкновение черниговских драгун с японцами произошло 15 августа 1904 года в боях под Ляояном. К концу сентября за храбрость и отвагу 14 из них были удостоены звания Георгиевских кавалеров. В конце декабря 1904 года начале января 1905 года Черниговский драгунский полк принял участие в кавалерийском рейде отряда генерала Т. И. Мищенко на Инкоу в глубокий тыл японской армии. Полностью выполнить поставленную задачу кавалерии генерала Т. И. Мищенко не удалось. Однако пройдя за восемь дней 270 км, драгуны повредили железнодорожное полотно в японском тылу, разгромили несколько тыловых японских армий. Позднее черниговские драгуны в составе кавалерийского отряда генерала М. И. Грекова несли боевую службу на аванпостах около города Чжанзятуня. После окончания войны и подписания Портсмутского мирного договора 2 июня 1906 года 51-й Черниговский драгунский полк благополучно прибыл в Орёл, где его тепло встретили жители города.

Капитан II ранга
К. К. Юрасовский

Мужество и героизм проявили орловцы и в морских сражениях. В составе порт-артурской эскадры сражались уроженцы Орловской губернии капитан 2-го ранга Константин Константинович Юрасовский — командир миноносца «Страшный» и его помощник лейтенант Иван Малеев. К. К. Юрасовский родился в 1864 году в селе Сурьянино Болховского уезда в дворянской семье. Окончив 1-ю Орловскую гимназию К. К. Юрасовский поступил в морской корпус и в 1885 году был произведен в мичманы.

Восемь русских миноносцев, среди которых был и «Страшный», по заданию адмирала С. О. Макарова должны были в ночь на 31 марта 1904 года обнаружить и обстрелять манёвренную базу японцев, чтобы

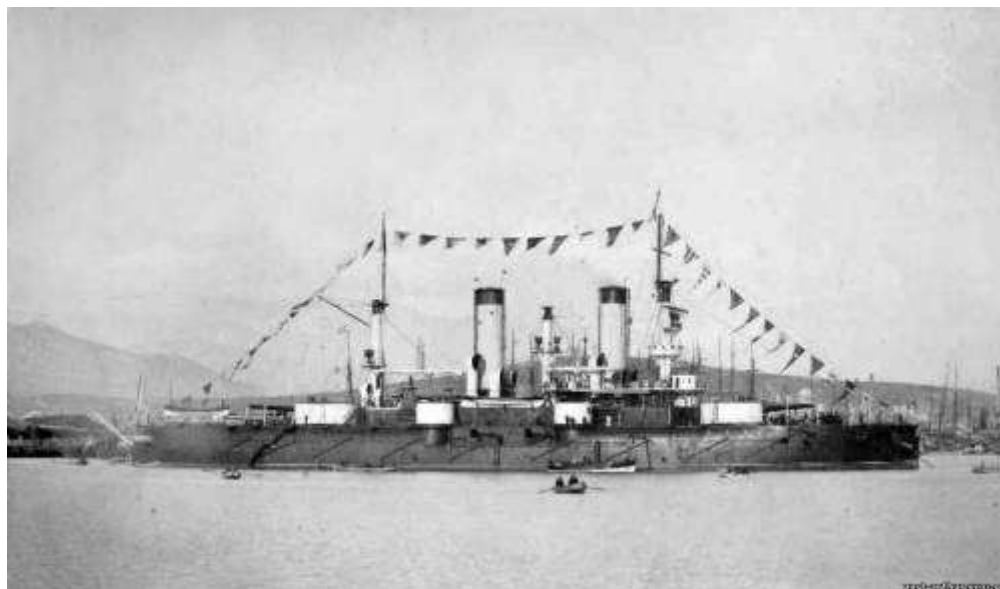
предотвратить высадку их войск на материк. В густом тумане миноносец «Страшный» был окружён японским крейсерами и миноносцами. В неравном бою вражеский снаряд попал в торпедный аппарат «Страшного». Командир корабля К. К. Юрасовский и несколько матросов погибли.

Капитан I ранга
Н. М. Яковлев

После русско-японской войны русский флот пополнился двумя эскадренными миноносцами «Константин Юрасовский» и «Иван Малеев». Адмирал С. О. Макаров направил на выручку «Страшному» крейсер «Баян», который подобрал с поверхности моря 5 матросов из 52 членов экипажа. Вслед за «Баяном» в море вышла вся порт-артурская эскадра во главе с флагманом — броненосцем «Петропавловск», командиром которого был мценский помещик, капитан I ранга Николай Матвеевич Яковлев.

«Страшный» спасти не удалось. На обратном пути броненосец «Петропавловск», подорвавшись на двух японских минах, затонул. Погибли командующий флотом адмирал С. О. Макаров, начальник штаба флота контр-адмирал М. П. Молас, известный художник В. В. Верещагин, 27 офицеров и 620 матросов экипажа. Из 800 членов экипажа удалось спасти 63 офицера и матроса. Тяжело раненого капитана «Петропавловска» Н. М. Яковлева подобрал броненосец «Цесаревич».

Эскадренный броненосец «Петропавловск»

В начале войны на этом броненосце в чине мичмана служил сын начальника управления Орловско-Рижской железной дороги и внук орловского губернского военного начальника Ф. И. Дорогана Дмитрий Осипович Дороган. Флаг-капитаном штаба Тихоокеанской эскадры после гибели штаба флота на

броненосце «Петрапавловск» стал командир крейсера «Громобой» орловский дворянин Лев Алексеевич Брусилов, родной брат героя первой мировой войны генерала А. А. Брусилова. В посёлке Хомутово Орловской области на аллее Славы находится мемориальная плита с надписью «За веру, Царя и Отечество живот свой положившим в войне с Японией в 1904–1905 годах». Матроса 1-ой статьи Степана Васильевича Чугунихина деревни Старой Барановки погибшего на броненосце «Петропавловск»: «Упокой, Господи».

В ночь на 27 января 1904 года в корейском порту Чемульпо были блокированы русский крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец». В бою «Варяг» повредил некоторые из японских крейсеров. Не сумев прорваться в Порт-Артур, русские моряки затопили «Варяг» и взорвали «Кореец». На иностранных судах спасшиеся моряки были доставлены в Китай, а затем в Одессу, отсюда по железной дороге они отправились в Петербург.

13 апреля 1904 года на железнодорожной станции Орёл жители города встречали героев-моряков. «Перрон вокзала издали представлял собою сплошное море голов», — писали «Орловские губернские ведомости» 14 апреля 1904 года. Среди встречающих — племянница командира «Варяга» капитана 1-го ранга В. Ф. Руднева — Чижова. Командиру «Варяга» В. Ф. Рудневу и командиру «Корейца» Г. П. Беляеву маленькая девочка Левшина со словами «Примите от детей» преподнесла цветы. А «от истинно русских людей» В. Ф. Рудневу был преподнесен кортик.

В честь прибытия героев-моряков студент Алексин прочел патриотический адрес: «Россия была поражена беззаветной храбростью наших доблестных моряков. С каким мужеством шли на бой с вчетверо сильным врагом и вышли из этого неравного боя с честью и славой! Ваши помыслы были направлены только к тому, чтобы поддержать честь России, славу как истинные сыны своего Отечества, для которых Родина дороже всего на свете. Россия с гордостью может сказать, что среди моряков не умерли Нахимовы, Корниловы, Истомины, Лазаревы и другие доблестные её сыны». На адресе вверху перед текстом — художественно выполненные акварелью герб города Орла и Георгиевский крест. На Андреевской ленте в правом углу — изображение «Варяга», в левом — «Корейца».

Документы

Орловское дворянство приветствует царских генералов.

Губернское дворянское собрание во время своих заседаний постановило послать следующие телеграммы:

Мукден, Генерал-адъютанту Куропаткину.

«Орловское дворянство всем сердцем приветствует Вас, глубокоуважаемый Алексей Николаевич, и в лице Вашего всю доблестную маньчжурскую армию, под Вашим опытным руководством доказавшую всему свету нравственную непобедимость русского солдата при всех беспримерных трудностях с самого начала кампании».

Чифу, русскому консулу, для генерала-адъютанта Стесселя.

«Орловское дворянство, полное благоговейного преклонения и удивления перед неувядаемой славой героев Порт-Артура, с восторженными слезами на глазах приветствует Вас, дорогой Анатолий Михайлович, и всех великих сынов отчизны и славных русских женщин, с навеки беспримерным самоотвержением отстаивающих русскую твердыню на Дальнем Востоке...»

«Орловский вестник», 21 декабря 1904 г., № 234

Церковь оправдывает русско-японскую войну.

«Многие христиане с недоумением останавливаются над вопросом: позволительна ли война для истинного чтилителя бога, не есть ли она вопиющее преступление?»

Для разрешения этого вопроса обратимся прежде всего к священному писанию Ветхого завета. Здесь указывается, что господь, запретивший отдельному лицу, гражданину убивать, если он не судья, не начальник, действующий по законам страны, целому народу своему не только не запрещал вести войны, но и повелевал воевать и содействовать успеху его оружия...

...Святые божии также считали войну дозволенной для христианства. Почти половина святых — военные. Из них св. Георгий именуется Победоносцем, потому что был воином, не знавшим поражения в боях...Из святых русской церкви — Александр Невский имел кровопролитную битву со шведами, преподобный Сергей Радонежский благословил Дмитрия Донского и его ополчение на войну с татарами...

Совесть человечества никогда не считала войну преступлением наравне с убийством...

Настоящая наша война с Японией тем более для нас нравственно позволительна, что мы вынуждены были взяться за оружие для защиты себя и чтобы не дать торжества злу в виде хитрости и коварства. И мы веруем, что с нами Бог».

«Орловские епархиальные ведомости»,
13 февраля 1905 г., № 7. С. 181,182,184.

§ 4. Орловская губерния в годы первой русской революции 1905–1907 гг.

Начало революции положили события 9 января 1905 года, когда более 140 тыс. петербургских рабочих в мирном шествии отправились к Зимнему дворцу, чтобы вручить царю петицию о своем тяжелом положении. Рабочая демонстрация была расстреляна. Случившееся стало национальной трагедией. События 9 января потрясли Россию.

В Орловской губернии, как и повсюду, они вызвали огромное волнение рабочих. В листовке Орловского комитета РДРП звучал призыв «... запомнить день 9 января и свести счеты с царским правительством за все его преступления... Терпение народа истощилось, близок час народной расправы с царём и его правительством! Слишком тяжелы стали цепи царского самодержавия, и их нужно сбросить целиком без остатка». Ответом на этот призыв стала волна стачечного движения в различных районах губернии. В январе — марте 1905 года бастовали рабочие стекольных фабрик Брянска и Радицы, ткацкой фабрики и железнодорожных мастерских Ельца, Брянского рельсопрокатного завода и арсенала. Бастующие выдвигали требования экономического характера: повышение заработной платы, улучшение условий труда и быта, удаления отдельных представителей фабрично-заводской администрации. На отдельных предприятиях выдвигались и политические требования: установление 8 или 9 часового дня, неприкосновенности личности, бесплатное обучение грамоте. Многие забастовки этого периода закончились удовлетворением требований рабочих.

Революционные события всколыхнули и орловское производство. В сёлах и деревнях широко распространялась революционная литература. Носителями революционных настроений были крестьяне-отходники, приезжавшие из города. В феврале — марте 1905 года крестьянское движение распространилось в Севском, Дмитровском и Трубчевском уездах охватив 32 селения. Были разгромлены имения генерала Мейендорфа, великого князя С. А. Романова — дяди царя. По приказу министра внутренних дел Булыгина в Севский уезд было направлено пять рот пехоты, один эскадрон кавалерии. Карательными отрядами руководил генерал-лейтенант Бертельс. Весной–летом 1905 года по губернии прокатилась новая волна забастовок, в которых участвовали мастера парикмахерских, строительные рабочие, маляры, металлисты и булочники Орла, пекари Ельца и Кром, Болховские кожевники.

В период Октябрьской Всероссийской стачки первыми в Орловской губернии забастовали рабочие и служащие Орловского железнодорожного узла. Революционная борьба приобрела откровенно политический характер. Демонстрации протеста против Манифеста 17 октября провели рабочие типографии Турчаниновой и Матвеевой в Орле. Демонстранты с пением «Марсельезы» прошли по Болховской улице (ныне ул. Ленина) и попытались освободить политических заключенных из тюрем.

В течение 1905 года около 20 тысяч рабочих Орловской губернии стали участниками стачек.

Под влиянием революционного движения рабочих осенью 1905 года крестьянские волнения в Орловской губернии достигли наибольшего размаха. В октябре — декабре произошло 178 выступлений крестьян. Вновь запылали помещичьи усадьбы. Крестьяне производили порубки леса, потравы посевов, самовольно захватывали имущество помещиков, проводили забастовки. Всего в 1905 году в Орловской губернии было разгромлено свыше 130 имений. Убытки землевладельцев составили 775 тыс. рублей. Наряду с разгромом имений крестьяне производили порубки леса и потравы посевов, осуществляли самовольный захват имущества помещиков.

В 1906–1907 годах крестьянское и рабочее движение в губернии как и во всей стране, пошло на спад. Если в 1906 году в губернии произошло 180 массовых крестьянских выступлений, то в 1907 году — 22. В годы спада революционного движения рабочие участвовали в маевках, митингах и предвыборных собраниях. Здесь вырабатывались наказы выборщикам депутатов в Государственную думу, однако прежнего накала борьбы не наблюдалось.

Особенностью крестьянского движения в это время было широкое участие в нем сельскохозяйственных рабочих, а также единичные поджоги как форма протеста против собственности. В 1905 году от поджогов произошло 216 пожаров, в 1906 году — 381, а в 1907 году — 402.

В целом крестьянское движение в Орловской губернии в годы революции все же оставалось слабым и недостаточно организованным. В нём участвовала всего лишь десятая часть всего крестьянства губернии.

Документы

Из рапорта помощника Дмитровского уездного исправника прокурору Орловского окружного суда о революционных выступлениях крестьян против землевладельцев. 1 марта 1905 года.

Доношу Вашего высокоородию: 28 февраля сего года в с. Долбенкине, в имени е.и.в Сергея Александровича, в два часа дня толпой до 300 человек разграблены вся усадьба, винокуренный завод и хлебные магазины и потом всё это зажжено, а целую ночь насыпали рожь, овёс и всё это развозили по своим селениям; в ограблении участвовали селения Долбенкина, Харламово, Погаринки...; в эту же ночь под 1 марта сожжены хутора: Лобановский, Апойковский и Фиризовский.

ГАОО. Ф. 635. Д. 146. Л. 96.

Из записки директора департамента полиции о забастовке рабочих Старьской стекольной фабрики. 20 января 1905 года.

В Орловской губернии утром 10 января на Старьской фабрике, Брянского уезда, стеклянной фабрике акционерного общества Мальцевских заводов мастеровые фабрики крестьяне Николай Благодетелев и Пётр Козявин стали читать своим товарищам газетные сообщения о забастовке на Путиловском заводе и возбуждать их также прекратить работы... Предложение это было принято, и 2000 рабочих завода забастовали...

«Начало первой революции. Январь–март 1905 г». Сборник документов и материалов. М., Изд. АН СССР, 1955. С. 684.

§ 5. Орловская губерния накануне и в годы I мировой войны¹.

1. Промышленность.

Подавляющее большинство промышленных предприятий губернии к 1914 году занимались переработкой продукции растениеводства и животноводства, производством стройматериалов. Обработкой животного сырья занималось 11% промышленных предприятий губернии, на которых было занято 7,4% рабочих. Наиболее многочисленными в этой отрасли были шерстоваляльные и сукнобитные заведения (267 предприятий); сапожные и шорные мастерские (131 предприятие) и предприятия по выделке овчины (518). Растительную продукцию перерабатывали 59,6% предприятий (35,5% рабочих губернии). В эту же группу были включены и пищевые производства. В данном секторе преобладали: 3 312 мельниц, 316 булочных и кондитерских, 853 маслобойни, 510 крупорушек, 221 пенькотрепальное и ткацкое заведение.

Обработкой различного сырья занимались 21,9% предприятий губернии, на которых трудилась треть всех рабочих. В эту группу входили кирпичные и камнетёсные, шиферные и т.п., а также чугуноплавильные, кузнечные, слесарно-механические и металлообрабатывающие производства.

В общей сложности в 1914 году на 9 557 промышленных предприятиях трудилось 54 805 человек.

Уезды довольно заметно различались между собой по степени интенсивности промышленной жизни. Городские предприятия были крупнее тех, что располагались в уездах: в среднем на одном предприятии в городе трудилось 10 человек, а в уезде — 2 человека (исключая Брянский уезд).

Стальным сердцем Орловской губернии был *район Брянска*. Это был один из крупнейших центров промышленности Черноземья. В Брянском уезде, располагавшем рабочей силой и запасами топлива, были сосредоточены предприятия Мальцевского акционерного общества, рельсопрокатный, железнодорожный, механический заводы и казённый Брянский Арсенал, один из крупнейших в России наряду с арсеналами Петербурга и Киева. Арсенал производил лафеты лёгкой артиллерии, зарядные ящики, пулемётные станки,

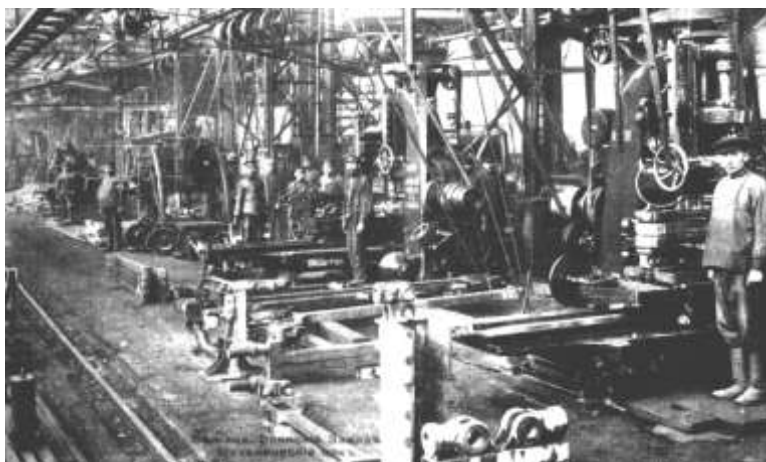
¹ Очерк составлен Н. А. Волобуевой по материалам С. В. Букаловой «Орловская губерния в годы первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914–февраль 1917 года)».

обозные повозки, сбрую. Во время войны Арсенал был привлечён к ремонту артиллерийских орудий.

В марте 1915 года начальник Арсенала генерал-майор С. Н. Ванков организовал по французскому методу поточное производство снарядов. Которое в русской военной литературе получило название «Организация Ванкова». За это его наградили командорским крестом Французского легиона и разрешением принять и носить этот иностранный орден.

В годы войны другое крупное предприятие орловской губернии — *Брянский машиностроительный завод* практически полностью был занят военными заказами, изготавливая артиллерийские снаряды. Его рабочие пользовались отсрочкой по мобилизации. На заводе трудилось до 17,5 тыс. человек, с членами их семей заводское население достигало 40 тысяч.

Брянский завод. Механический цех

В 1915 году, когда экономическая ситуация ухудшалась с каждым месяцем, а зарплата оставалась неизменной, мастера стали уходить на заработки в другие города, в основном в Петербург, где заработная плата была в два раза выше. Со второй половины 1916 года из-за недостатка материалов рабочие часто оставались без работы. С 6 февраля 1917 года Брянский машиностроительный завод на 3/4 остановился из-за отсутствия угля. Производство снарядов было полностью остановлено.

В Болхове с XVII века существовало традиционное *кожевенное производство*. В период I мировой войны болховские кожевенники в значительной степени были заняты изготовлением солдатских сапог для интендантства, работая по твёрдым расценкам Министерства торговли и промышленности и централизованно снабжаясь сырьём, так как на свободном рынке его практически не было. Рабочие болховских предприятий также пользовались отсрочкой по мобилизации.

В Ельце и Ливнах в годы войны продолжало развиваться *мукомольное производство*. Мельницы работали главным образом на привозном зерне, внутри губернии потреблялась 1/3 продукции, остальное вывозилось за её пределы. Из-за резкого сокращения поставок зерна появились проблемы с его помолом и в Орловской губернии. К концу 1916 г. из восьми елецких мельниц действовало три.

За время мировой войны из Польши и Прибалтики в пределы Орловской губернии было эвакуировано 18 промышленных предприятий: заводы сельскохозяйственных машин и орудий Разевского и Познанского, чугунолитейный Перлиса и другие.

Очень плохо обстояло дело со снабжением нефтью. Неоднократное её отсутствие вело к остановке заводов или сокращению рабочего дня. Общей причиной задержки в выполнении заказов было плачевное состояние транспортного сообщения. Почти все станции были закрыты для приёма грузов, не без труда удавалось отправить готовые заказы. Так, изготовление снарядных ящиков было остановлено из-за того, что гвозди и железо, имевшиеся в Орле, невозможно было переправить в западные уезды, где имелся лесной материал, и наоборот.

К началу 1917 года Губернский комитет по снабжению армии испытывал всё большие затруднения из-за транспортного кризиса, отсутствия угля и металла, что грозило в недалёком будущем полностью парализовать работу орловских предприятий. С августа 1916 года получение угля совершенно прекратилось. За счёт прежних запасов работа заводов продолжалась до начала 1917 года. Хозяева предприятий обращались за помощью к местным комите-

там, но те были бессильны чем-либо помочь им. Энергетический кризис почти полностью парализовал промышленность.

2. Сельское хозяйство.

Во втором десятилетии XX века сельское хозяйство продолжало составлять основу экономической жизни Орловской губернии. Пашня занимала 60% её территории, сельское население составляло 89%. Крестьянам принадлежало 50,5% земли, в среднем на двор приходилось 7 десятин земли, что позволяет говорить об аграрном перенаселении в губернии.

Отмечался низкий уровень развития животноводства в губернии. На 100 жителей Орловской губернии приходилось 25 голов крупного рогатого скота, 10 свиней, 38 овец, что было в несколько раз меньше европейского уровня. Развитию скотоводства препятствовал низкий уровень агрономической культуры, который не давал возможности обеспечить зимой скот необходимым количеством фуража. В неурожайные годы приходилось продавать скот для уплаты государственных податей и выплаты долгов.

Открытка Брянского машиностроительного завода

На 355 тысяч хозяйств губернии в 1913-1914 гг. было продано 7,5 тысяч плугов, 157 сеялок, 595 зерноочистительных машин, 14 сноповязалок, 59 жаток, 134 конных и ручных молотилки и 1 паровая. При этом надо учитывать, что приблизительно 56% этого было куплено землевладельцами, а не крестьянами. Крестьяне покупали главным образом мелкие машины и орудия труда.

В условиях аграрного перенаселения призыв крестьян на военную службу не мог сразу вызвать острую нехватку рабочих рук в крестьянском хозяйстве и сказаться на его товарности. Первая мобилизация, бывшая самой мас-

штабной, практически повсеместно прошла уже после завершения уборки урожая 1914 года, мало отразившись также на посеве озимых. Жалобы на отсутствие работников фиксируются только после мобилизации конца августа 1916 года. В условиях войны вновь возрастает значение общинной помощи семьям, оставшимся без работников. Несмотря на отток мужского населения и высокую плату за использование наёмного труда, заметного сокращения посевных площадей в губернии не было.

Влияние войны сказалось на возделываемых культурах. Запрещение торговли спиртными напитками первоначально вызвало сокращение посадок картофеля, который сдавался на спиртзаводы, но потом его площади восстановились, т.к. крестьяне стали употреблять картофель для откорма скота.

В ряде уездов увеличились посевы конопли из-за подорожания мануфактуры, побуждавшего крестьянина вернуться к домашнему ткачеству. Появились сведения о растущей среди крестьян-общинников популярности травосеяния вследствие высоких цен на фураж и выгоды торговли им.

Местная пресса единогласно отмечала большое влияние запрета винокурения, что привело к появлению у крестьян денежных сбережений. Свободные денежные средства облегчали уплату налогов. При этом излишки зерна крестьяне неохотно поставляли на рынок, так как постоянно растущий в цене хлеб представлял собой более перспективную форму накопления, нежели необеспеченные промышленной продукцией, обесценивающиеся денежные знаки. Усилившиеся в годы войны натуральные черты крестьянского хозяйства губернии и сокращение посевных площадей на 10 процентов сыграли важную роль в ухудшении продовольственного положения в городах. Крупный елецкий биржевой маклер И. Иванюшенков, вынужден был констатировать: «Страшную и печальную картину представляют теперь хлебные рынки нашего Орловского края... Уборка окончена полностью, молотьба наполовину, на рынке – полная тишина... Партионное предложение отсутствует».

Раньше всего испытал на себе действие факторов, вызвавших перебои в снабжении, Брянский промышленный район. На предприятиях Брянска и Бежицы было сосредоточено большое число рабочих и их семей, целиком зависевших от наличия продуктов в фабричных лавках.

Уже 21 июля 1914 г. Главноуправляющий Брянского завода Мальцевского акционерного общества сообщал губернатору, что имеющиеся запасы хлеба обеспечивают потребность Мальцевского района на несколько дней. Напряженность обстановки с обеспеченностью городского населения продуктами питания в конце 1916 – начале 1917 г. сделалась перманентной.

Общие расходы на войну в стране к марту 1917 г. уже превысили 30 млрд. руб. Деньги обесценивались. Так, к февралю 1917 г. покупательная способность рубля упала до 27 копеек. Цены на продукты питания возросли. По сравнению с 1913 годом цены в сентябре 1916 года на рожь выросли в Орле на 232 процента, пшеницу — на 261, муку ржаную — на 198, пшено — на 269, масло подсолнечное — на 385, мясо говяжье — на 337.

Различные виды продуктов периодически исчезали из свободной продажи, к торгующим лавкам выстраивались длинные очереди раздраженных обывателей.

3. Социальное положение Орловской губернии в годы I мировой войны.

I мировая война отразилась и на положении населения губернии. В течение военных лет население губернии неизменно сокращалось, несмотря на то, что рождаемость превышала смертность. Главным фактором падения численности населения следует считать воинские призывы. Из Орловской губернии было призвано в армию 255 тысяч человек. В предвоенном 1913 году естественный прирост в Орловской губернии составлял 16,6%. В 1916 году естественный прирост упал до 3,4%. К прямому влиянию войны можно отнести изменение соотношений между полами, выразившееся в заметном (почти на 1/10) сокращении числа мужчин.

Мировая война вызвала среди тылового населения масштабные миграционные процессы. Сведения о первых беженцах в Орловской губернии относятся к сентябрю 1914 года. Первоначально центральным органом помощи беженцам в России был Всероссийский комитет помощи пострадавшим от военных бедствий под высочайшим покровительством её императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. Он имел разветвлённую региональную сеть, широкие контакты с правительственными и национальными организациями. Губернские отделения Комитета возглавлялись губернаторами. Татьянинский комитет организовывал питательные пункты и карантинные госпитали для беженцев, справочное бюро для поиска ими родственников. Позже сосредоточил свою деятельность на помощи детям-беженцам.

Значимым фактом в повседневной жизни тыловых районов прибытие беженцев стало летом–осенью 1915 года. Основной причиной, вызвавшей масштабные миграционные процессы, стало тяжёлое поражение русской армии. В губернии осело около 53-х тысяч человек.

Беженский поток составили русские, поляки, латыши и евреи. Кроме вышеназванных национальностей, в ходе «великого переселения народов», вызванного мировой войной, в Орловскую губернию попали довольно многочисленные группы белорусов и немцев-колонистов Прибалтики.

С началом боевых действий Орёл приобрёл статус распределительного эвакуационного пункта, став одним из основных центров, принимающих раненых, эвакуируемых с фронта в санитарных эшелонах. Со дня открытия госпиталей по 1 января 1917 года в Орловскую губернию с фронта поступило 178 335 раненых. Наибольшее число раненых поступило в губернию в 1916 году. Львиную долю раненых приняли на себя госпитали города Орла (68,4%). В докладе Всероссийского земского союза в деле помощи больным и раненым воинам по Орловской губернии за 1916 год отмечалось, что за время войны в городе Орле было организовано 33 действующих военных госпиталя на 3 414 коек. Через госпитали города прошло 114,3 тысячи раненых солдат и офицеров.

На территории Орловской губернии находились и военнопленные, но их число было незначительным — около 2 100 человек. Пункты для военнопленных располагались в Орле, Болхове, Карачеве, Мценске, Кромах, Трубчевске, Дмитровске и Севске. Во время сельхозработ число пленных могло возрастать на несколько тысяч за счёт направленных на работы в распоряжение земств. Отношение местного населения к пленным было, как правило, хорошим, даже сочувственным.

В годы I мировой войны полностью обновился состав воинских частей, размещённых на территории Орловской губернии. Вместо стоявших в губернии пехотных и гусарских полков были сформированы запасные и ополченские части. Некоторые из них вскоре были переведены в район боевых действий, другие простояли в губернии до Февральской революции. Большой проблемой было их расквартирование и поддержание дисциплины среди нижних чинов гарнизонов Орловской губернии, которая на всём протяжении войны демонстрировала склонность к анархии.

4. Губернская администрация и органы местного самоуправления в годы войны.

На основании Положения чрезвычайной охраны, введённом после объявления мобилизации первоначально до 4 сентября 1914 года и продлевавшегося впоследствии вплоть до революции, губернатору предоставлялись права Главноначальствующего губернией, что выражалось в праве издавать от свое-

го лица Обязательные постановления, регулирующие как экономическую, так и общественную сферы, на основании Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия.

Начало мировой войны встретил на посту губернатора действительный статский советник С. С. Андреевский, к тому времени занимавший эту должность в течение восьми лет. В декабре 1915 года С. С. Андреевский был назначен сенатором и отбыл в Петербург. Следующим орловским губернатором был назначен А. В. Арапов, до того служивший симбирским губернатором. По сравнению со своим предшественником, Арапов шире использовал административные меры для наведения порядка на потребительском рынке. Рядом энергичных циркуляров и распоряжений он пытался улучшить работу подчинённых ему должностных лиц. В конце 1916 года А. В. Арапов был переведён на должность Вологодского губернатора. Губернское дворянское собрание даже подало просьбу об оставлении его в губернии. Место А. В. Арапова занял 33-летний курляндский губернатор П. В. Гендриков. Однако управлять Орловской губернией ему пришлось весьма непродолжительный срок. Он даже не был утверждён в должности губернатора, оставшись «исполняющим должность». На Орловщину П. В. Гендриков прибыл в январе 1917 года, а в марте он сдал свои полномочия Губернскому комитету общественной безопасности и отправился для лечения на Кавказ.

Направление действий губернатора определялось военными условиями. Им издавались распоряжения и циркуляры, направленные на сохранение спокойствия и порядка в губернии, обеспечение её участия в обороне страны. Стержневым направлением усилий центральных органов власти было поддержание спокойного настроения населения

В годы войны деятельность органов местного самоуправления значительно расширилась, распространившись на решение не только местных проблем, но и задач, имевших общегосударственное значение. Центральная власть передала земским и городским органам заботы о жизнеобеспечении населения и организации тыла. Городские общественные управления пытались стабилизировать цены, наладить собственную систему снабжения жителей предметами первой необходимости. На органы самоуправления было возложено распределение государственной помощи семьям призванных в армию, организация ухода за ранеными, позже — забота о беженцах. По инициативе самих земств, прежде всего крупных, к этому добавилось производство вооружения и воинского снаряжения.

Самоуправление Орловской губернии с готовностью пошло навстречу предложениям объединить в масштабах страны усилия органов самоуправле-

ния в деле помощи раненым. На первом после начала войны губернском земском собрании, созванном в чрезвычайном порядке 28 июля 1914 года, было решено присоединиться к Всероссийскому Земскому Союзу помощи больным и раненым воинам. Уполномоченным представителем губернии в составе Союза был избран Орловский уездный предводитель дворянства. К обязанностям губернского комитета Земского Союза помощи больным и раненым воинам относилось планомерное распределение раненых по уездам, устройство госпиталей, использование для раненых лечебных учреждений земства и финансирование уездных комитетов.

Значительным расширением поля деятельности Всероссийского Земского Союза, поднявшим также и его политическое значение, стало участие в организации мелкой промышленности для производства обозного снаряжения, инженерно-строительных средств. После кризиса военного снабжения в 1915 году Земский Союз приступил к изготовлению предметов военного снаряжения, создав для координации действий с Союзом Городов объединённый комитет — Земгор (Главный комитет по снабжению армии). Мелкие предприниматели активно привлекались Губернским комитетом Земгора для производства конской упряжи, сапог и другого армейского снаряжения. 17 июня 1915 года был образован Орловский городской военно-промышленный комитет. Председателем комитета был избран городской голова И. А. Гумбин. Исходя из местных ресурсов, Орловская губерния вносила свой вклад в дело обеспечения русской армии разнообразными видами снаряжения.

Первые заказы были приняты в августе 1915 года со сроком исполнения январь-июль 1916 года. По сведениям Главного комитета на 1 ноября 1916 года, Орловский комитет был первым из 38-ми губернских комитетов по количеству принятых заказов, а по количеству сданных занимал 6 место.

Деятельность местных комитетов Земгора в значительной степени зависела от внешних условий: поставок сырья и топлива, работы железнодорожного транспорта. Накануне революции это обстоятельство поставило всю систему земской работы по снабжению армии в очень сложные условия, которые требовали широких мер государственного регулирования.

§ 6. Установление Советской власти в Орловской губернии. Коренные изменения в политической и социально-экономической сферах жизни населения (1917–1918 гг.).

Город Орёл в 1917 году

Известие о вооруженном перевороте и смене власти в Петрограде, совершившихся 25 октября (7 ноября) 1917 года, в Орле было получено на следующий день, в 8 часов 45 минут утра. Тогда же, 26 октября (8 ноября) в Орле собралось совместное заседание членов исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских

депутатов. Постановление, принятое по его итогам, осудило свержение Временного правительства: «Считая, что вооруженное выступление большевиков имеет целью навязать демократии волю меньшинства, что оно в конечном счёте может привести к срыву Всероссийского Учредительного собрания и крушению революции, исполнительный комитет... резко осуждает тактику большевиков». Не имевшие серьезного влияния в Совете, Орловское губернское бюро РСДРП(б) и Орловский городской комитет той же партии 26 октября напрямую обратились к населению с воззванием о поддержке петроградского пролетариата. «Спасайте же революцию. Не давайте отнять у вас земли, которые теперь к вам переходят. Скорее везите хлеб к станциям... Твёрдо скажите народу — вся власть и земля ваши», — говорилось в нём.

В тот день воззвание большевиков услышано не было. Являясь губернским, город Орёл фактически задавал тон отношению к произошедшему в столице, поэтому решительной поддержки в уездах в те дни большевики не получили.

Среди уездных городов губернии только Брянск объявил об установлении Советской власти уже 26 октября. Новость о взятии власти большевиками

пришла в Брянск ночью 25 октября. Созданный в городе Военно-революционный комитет, опиравшийся на членов значительной по своему составу местной организации РСДРП(б), 26 октября произвел захват почты, телеграфа, вокзала и других значимых объектов уездного центра. Во главе ВРК стоял его организатор, представитель Московского областного бюро РСДРП(б) Игнат Фокин — признанный лидер брянских и бежицких большевиков. Февральская революция 1917 года освободила его от второй по счету ссылки прямо из арестантского вагона, направлявшегося в Сибирь.

После захвата власти большевики Брянска были срочно отправлены в населенные пункты уезда с целью добиться поддержки жителей. Крупный митинг в поддержку новой власти состоялся в Бежице. 30 октября (12 ноября) о поддержке Советской власти заявил и Елецкий Совет, но Исполком солдатских депутатов не поддержал его резолюции.

В течение ноября в губернском центре и в уездах проходила ожесточенная борьба за влияние в местных органах власти. Большевики города Орла долгое время не могли развернуть ситуацию в свою пользу.

12 (25) ноября в губернии прошли выборы в Учредительное собрание, в которых приняли участие 24636 человек. По списку № 3 от губернского комитета партии социалистов-революционеров (эсеров) в нем оказалось 8 человек, по списку № 8 — от губернской организации РСДРП — 4. Перевеса большевики не добились и тут.

«Орловская организация, бедная идейными силами, — докладывал в Москву один из местных членов РСДРП(б) М. Калинин, — сумела напрячь свои силы и сделала всё возможное при выборах в Учредительное собрание. Были разосланы агитаторы по деревням с литературой и массой листовой, изданных самой организацией... Хотя при выборах-то и победили социалисты-революционеры, но нужно принять во внимание, что Орловская губерния — земледельческая, где засилье эсеровщины особенно велико».

Орловская губерния в тогдашних её границах, сложившихся ещё при Екатерине II, имела значительные размеры. Расположенная неподалеку от Москвы, она активно сопротивлялась установлению новой власти. Это вызывало беспокойство её новых центральных органов. В ноябре 1917 года для оказания действенной помощи Орловской губернской партийной организации Московское областное бюро РСДРП(б) направило в Орёл 45 большевиков. Едва оказавшись в губернии, московские партийцы начали широкую кампанию по разъяснению декретов Советской власти, её программы и сущности. Местные партийные активисты учились у московских товарищей непростому умению агитации и пропаганды. Декрет о земле вызвал тогда огромный инте-

рес среди крестьян, составлявших большинство населения губернии, и симпатии крестьянства медленно начали разворачиваться в сторону большевиков. Незримыми, но с каждым днём всё более ощутимыми союзниками большевиков выступали голод, холод, утраченный контроль над ситуацией в стране и огромное количество вооружённых людей, оказавшихся вследствие массового оставления фронта в центральной части России

С 15 (28) по 25 ноября (8 декабря) проходили выборы Орловского Совета рабочих и солдатских депутатов. Лишь теперь большевики получили в Совете преимущество в 10 голосов (80 из 150). На первом же заседании Орловского Совета нового состава 25 ноября (8 декабря) 1917 года был создан, наконец, Военно-революционный комитет, к которому перешла вся полнота власти в городе Орле. 26 ноября Орловский ВРК возглавил, как тогда иногда называли партийцев такого рода, «чистый большевик» солдат Михаил Никитович Буров. Работой исполкома городского Совета стал руководить «чистый большевик» Мирон Абрамович Переславский.

Таким образом, 25 ноября (8) декабря 1917 года можно считать днём победы Советской власти в Орле.

С декабря 1917 года по январь 1918 власть Советов установилась во всей Орловской губернии. Первый Орловский губернский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 25-26 января 1918 года закрепил итоги признания новой власти во всей губернии. Губернский Совет народных комиссаров возглавил М. Н. Буров.

В течение двух месяцев (февраль–март 1918 г.), то есть с огромной быстротой в губернии оформились органы Советской власти. Прежние городские думы и губернская земская управа упразднились, должности губернских и уездных комиссаров Временного правительства ликвидировались. Функции управления переходили к губернским и уездным Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Уже в феврале 1918 года начали свою деятельность губернские и уездные Советы народного хозяйства (Совнархозы) и органы рабочего контроля, им подчинявшиеся. За порядком наблюдали отряды Красной Гвардии.

15 января 1918 года декретом Совнаркома была образована Красная Армия. В рамках ее организации формировались Орловские, 6-й Мценский, Брянский полки, 1-й Железный отряд защиты пролетарской революции и интернациональный отряд, состоявший из пленных австрийцев и словаков, перешедших на сторону революции. Весной 1918 года стала создаваться Губернская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ЧК). Её отделения появлялись в каждом уезде.

В преддверии национализации на промышленных предприятиях Орловской губернии устанавливается рабочий контроль. В марте 1918 года его органы начал действовать на орловском заводе М. Хрущёва, в августе — на заводе Кале. «Временные правила внутреннего распорядка», введенные на Брянском заводе, в мае 1917 года были рекомендованы В. И. Лениным в качестве положительного опыта («Письмо конференции представителей национализированных предприятий»). Тем не менее, рабочий контроль был всего лишь полумерой в деле установления контроля над промышленностью. Переход крупных заводов и фабрик в руки государства происходил в течение следующего, 1918 года. В Орловской губернии тогда было национализировано 171 предприятие. В числе первых из них оказались ватная фабрика Пинеса, шпагатная фабрика и литография «Рекорд» в Орле; в числе крупнейших — завод Хрущёва в Орле, Брянский завод в Бежице, Московско-Курская и Ригго-Орловская железные дороги, Казацкий цементный завод в Елецком уезде.

Мероприятия Советской власти развертывались на фоне атеистической пропаганды. В конце января 1918 г. Преосвященный Епископ Серафим осудил «явное беззаконие и злую антихристианскую цель декрета об отобрании церквей и церковного достояния». В день Сретения в Орле был устроен крестный ход, целью которого была демонстрация «отношения верующего русского народа к нынешней противохристианской политике» правительства. Губернский Совдеп, ссылаясь на беспокойную обстановку в городе, 14 февраля 1918 года, то есть за день до праздника Сретения объявил в Орле военное положение, якобы ввиду «...тяжёлого положения города Орла в смысле хулиганства, грабежей, пьянства, беспорядочной стрельбы, повторяющейся ежедневно неизвестными лицами». С 9 вечера до 6 утра жителям запрещалось выходить на улицу, в это время держались закрытыми чайные, трактиры, рестораны, электротeatры (кино). Одновременно запрещались «всякие демонстрации и уличные шествия». Несмотря на категорические запреты, крестный ход, на который вышло более 20 тыс. верующих, состоялся. С иконами и хоругвями он прошёл от Иверской церкви до Петропавловского кафедрального собора (место совр. библиотеки им. И. А. Бунина). Владыка Серафим отслужил на Соборной площади молебен.

Противостояние церкви и власти быстро росло. 27 марта 1918 года постановлением губисполкома был закрыт епархиальный съезд, созванный с целью протеста против введения рабочего контроля на свечном заводе. В каменную тюрьму были отправлены арестованные священники Н. П. Поликарпов, С. И. Мерцалов, А. Н. Оболенский, редактор «Епархиальных ведомостей» М. Н. Полуниин и др. С епископа Серафима (Остроумова) была взята подписка

о невыезде. С этого момента до расстрела в 1937 году Владыка Серафим останется в рядах противников Советской власти.

Декрет II Всероссийского съезда Советов «О земле», изданный 26 октября (8 ноября) 1918 года, отменил помещичью собственность на землю «немедленно без всякого выкупа». «Помещичьи имения, равно как и все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мёртвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями, — говорилось далее в нём, — переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов». Согласно данному Декрету в губернии проводилась тотальная конфискация помещичьих земель. Военно-революционные комитеты предупреждали граждан об ответственности за порчу имущества усадеб. Однако в условиях отсутствия стабильной власти и, в особенности, отсутствия твёрдой позиции у людей, только что обретших власть, конфискация земель изобиловала целым рядом драматических и даже трагических моментов. В результате разгромов имений зачастую уничтожались культурные ценности, бездумно рушились и сжигались усадебные постройки; в ходе стихийных акций истреблялись ценные породы скота.

Первые погромы имений, однако, начались ещё до официального признания Советской власти. Осенью 1917 года владельцы усадеб тщетно взывали к властям с просьбой защитить их от вандалов. Милиция была бессильна предотвратить многочисленные «набеги». Вот что говорит документ Малоархангельского земельного отдела о подобной ситуации: «В октябре 1917 года перед Октябрьским восстанием, благодаря возвратившимся с фронта солдатам, начались погромы имений. Причиной погромов явилось вековое озлобление крестьян на «орлиные гнезда» помещиков. Борьба с погромами в то время была невозможна, так как твёрдой власти в деревне не было. И только к весне 1918 года, когда окрепла власть в уезде, погромы прекратились». Но к этому времени уже погибли многие дворянские усадьбы, в историческом и культурном плане представлявшие национальный интерес.

Так было, например, разгромлено Молодовое (совр. Шаблыкинский район), владение потомков крупного государственного деятеля екатерининских времен, сенатора Г. Н. Теплова. Ни усадебные постройки, ни редкая художественная коллекция, ни библиотека, которая являлась одной из самых крупных частных библиотек России, ни в высшей степени ценный архив сенатора не сохранились до нашего времени, сгорев в пламени пожара 1917 года. Пожар был конечным результатом разграбления имения, продолжавшегося почти неделю. Тогда же были разрушены молочная, ледник, каретный сарай, кузница, оранжерея, кухня, кладовые, амбары; расхищены плуги, бороны, со-

хи и другой инвентарь. Опустошённый дом был подожжён. Грабителям книги и «бумаги» сенатора казались ненужным хламом. Они сгорели вместе с домом, от которого осталось лишь четыре колонны у стены.

Разграбление имений достигло своего апогея, когда представители Советской власти издали целый ряд постановлений об образовании в каждой волости не менее одного «культурного хозяйства» на базе бывших помещичьих имений с целью «разводить породистый скот..., птицу, разводить и улучшать разного рода семена как полевых злаков, так и огородных, завести как плодовый, так и древесный питомник, производить всякого рода опыты и показания в области сельскохозяйственного улучшения». Конфискованные земли делились между крестьянскими обществами. В общей сложности, крестьяне губернии получили 756 тыс. десятин конфискованной земли.

В начале 1918 года стали возникать первые социалистические объединения в сельском хозяйстве — коммуны и артели. 10 февраля 1918 года в Черкасской волости Ливенского уезда была образована сельхозартель «Труд». Трудовые артели по совместной обработке земли возникали во всех уездах губернии. Вторым видом новых трудовых отношений были коммуны. Одна из первых коммун «Имени III Интернационала» появилась в селе Никольском Философской волости Орловского уезда, известном своей первой коммунистической ячейкой.

Принципы, на которых строились отношения в коммуне, передает устав коммуны «Свободный труд» села Мощёного Хотынецкой волости Карачевского уезда (ныне Хотынецкий район), объединившей 8 хозяйств. Жизнь в коммуне строилась на следующих принципах: «а) всё принадлежит всем, и никто в коммуне не может ничего назвать своим; б) каждый в коммуне трудится по своим силам и получает по своим силам; в) работа ведётся сообща, коллективно; г) в коммуне денежного вознаграждения никто не получает; д) деньги внутри коммуны общения иметь не могут; е) излишки продуктов ... предоставляются коммунной в общественное пользование через местные органы Советской власти; ж) коммуна не может пользоваться наёмным трудом, участники коммуны не могут работать по найму. В коммуне организуется общественное питание в коммунальных столовых».

В конце 1918 года в Орловской губернии 179 коллективных хозяйств и 145 советских хозяйств (совхозов). Однако весной и летом 1918 года положение с продовольствием в центре страны и, в особенности, в Петрограде и Москве, стало еще более острым. Для ликвидации кризиса РКП(б), так теперь стала называться партия большевиков, объявила массовый поход в деревню. Граждане, имевшие зерновые запасы, в том числе и для посева, долж-

ны были добровольно «поделиться» ими с революционными трудовыми массами городов; лица, не желавшие добровольно отдавать хлеб, именовались «кулаками». «Излишки» их зерна изымались насильственным образом. Советские источники называют меры по изъятию хлеба «чрезвычайными». Так же жестко и бескомпромиссно, как и конфискация помещичьих земель, проводилась и конфискация хлеба. За полтора месяца в губернии было «заготовлено», а фактически отнято насильственным путем 135 тыс. пудов продовольствия.

Акция по изъятию хлеба компрометировала партию в глазах крестьян. Партийные власти, увидевшие трещину во взаимоотношениях с крестьянством, начинают разделять его по социальному признаку. 11 июня 1918 года ВЦИК издает декрет о комитетах бедноты (комбедах). Комбеды становились опорой Коммунистической партии в деревне, они признавались проводниками её политики; члены комбедов как организаторы коммун и коллективных хозяйств первыми стали получать незначительные, но весомые по тем временам материальные блага в виде инвентаря из помещичьих усадеб; их в первую очередь наделяли землей. Организация комбедов была объявлена делом чрезвычайной важности. К августу 1918 г. в Орловской губернии было организовано 4709 сельских комитетов бедноты, имеющих волостные и уездные органы. (Первый комбед был создан 15 июля 1918 года при Моховицком волостном совете Болховского уезда).

Как правило, в комитеты попадали малоавторитетные жители сёл и деревень. Чтобы упрочить положение комбедов на местах и остановить несогласных с её политикой Коммунистическая партия начала принимать репрессивные меры для устрашения недовольных. Так, намечавшееся весной 1918 года крестьянское выступление в Михайловке Мценского уезда, едва начавшись, было подавлено силами 6-го Мценского полка.

Вскоре воинская мощь была обрушена на выступление крестьян в Ливенском уезде, вошедшем в историю как «Ливенский мятеж».

Ливенский уезд был самым экономически состоятельным в Орловской губернии. Организаторы местных комбедов жаловались в центр: «Организовывать комбеды очень трудно, ведь в Ливенском уезде всего 10 процентов бедноты, а остальные все кулачество». Самодостаточные хозяйства уезда видели, как в комитеты набирается контингент, в состав которого входят люди, неуважаемые обществом, антиобщественные элементы. Сформированные таким образом комбеды, выступая в качестве «бойцов» продовольственных отрядов насильственным образом изымали экономический продукт, который сами не умели создать. При этом очевидцы видели, как «растаскивается и проматывается всё и вся, идёт не созидание ценностей, а их уничтожение».

Сельские сходы протестовали против «комитетчиков», откровенно называя их лодырями и грабителями. К лету 1918 года в Ливенском уезде созрело недовольство общей политикой и практикой комбедов, недовольство действиями военно-реквизиционных отрядов, недовольство запретом обмолота хлеба на так называемых экономических полях.

Восстание охватило весь уезд. Узнав о Ливенском мятеже, в телеграмме на ст. Здоровец, В. И. Ленин потребовал «соединить беспощадное подавление кулацко-левоэсеровского восстания с конфискацией всего хлеба у кулаков и с образцовой очисткой излишков хлеба полностью, с раздачей бедноте части хлеба даром». Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский добавляет: «Елец и Орёл подавить беспощадно». Есть и ещё одна телеграмма Ленина: «Зачинщиков повесить!»

Мятеж был подавлен военными отрядами Орла и Курска. 1-й Железный полк прибыл из Орла с артиллерией, поставленной на железнодорожные платформы. Газета «Известия ВЦИК» сообщала, что в сражениях было потеряно «свыше семидесяти товарищей, среди которых четыре лучших советских работника». Жертв среди мирного населения оказалось свыше 300 человек. Подчеркнуто жестоким подавлением восстания и открытым игнорированием требований крестьянства Советская власть демонстрировала незыблемость своих принципов и позиций.

Противостояние сторон росло. Наступало время Гражданской войны.

§ 7. Гражданская война в Орловском крае

Из книги «Разгром деникинцев под Орлом и Кромами осенью 1919 года». Сост. С. Т. Минаков. — Орёл, 1989.

После прихода к власти большевиков в России начинается противостояние, названное в дальнейшем Гражданской войной. В это противостояние были вовлечены все жители России, в том числе и жители Орловской губернии.

В феврале 1918 года возникла угроза вторжения германских войск на территорию Орловской губернии, после того как они оккупировали Украину. Поэтому была организована оборона Брянска, Карачева, Дмитровска — городов, находившихся в непосредственной близости от линии возможного вторжения противника.

22 февраля 1918 года было принято постановление Орловского губисполкома об организации Красной Армии. Исполком обратился к гражданам губернии с призывом вступать в Красную Армию и приступать к формированию и обучению полков¹.

В течение марта и апреля в губернии были сформированы из добровольцев три дивизии Красной Армии. К июлю 1918 года губернская партийная организация сумела сформировать, обучить и отправить на Восточный фронт бригаду из двух сводных полков и одной батареи, Орловский и Мценский сводные полки. В сентябре 1918 года из первого и второго Орловских полков была составлена бригада, которая стала называться «Орловская пехотная железная бригада защиты пролетарской революции»².

25 марта 1918 года в Орле состоялось собрание германских и австро-венгерских военнопленных. Был образован комитет революционных интернационалистов, начавший формирование интернационального отряда. Комиссаром отряда был назначен Фред Ионелейт³.

Интернациональные части молодой Советской республики участвовали в подавлении мятежа анархистов в Брянске, восстания кулаков в Ливенском уезде, в боях на Восточном, Южном фронте.

¹ Летопись города Орла. — Тула. : Приокское книжное издательство, 1980. — С. 82.

² Воробьёва В. Я., Емельянов И. Н., Кострица А. Ф. Край наш Орловский. — Часть 2. — Тула. : Приокское кн. изд-во, 1976, С. 35.

³ Летопись города Орла. — Тула. : Приокское книжное издательство, 1980. — С. 84.

Очень острым в годы Гражданской войны был продовольственный вопрос. Советское правительство ужесточило курс в отношении крестьянства, решив силой отобрать у него хлеб. Были установлены нормы потребления хлеба, а весь хлеб, превышающий эти нормы, получил название излишков и подлежал насильственному изъятию. Те, кто не отдавал свой хлеб, считались врагами народа. Создавались вооружённые продотряды с чрезвычайными полномочиями. В деревне создавались комбеды — комитеты бедноты, оказывавшие содействие продовольственным органам.

В мае 1918 года было принято постановление губернского продовольственного комитета об изъятии хлебных излишков у кулаков. Стали создаваться уездные продовольственные комитеты, продотряды.

Деятельность продотрядов и комбедов встретила ожесточённое сопротивление крестьян. *В Орловской губернии вспыхнул целый ряд антисоветских вооружённых выступлений в Кромском, Малоархангельском и других уездах. Особенно крупным было кулацкое левозеро-восстание в Ливенском уезде в августе 1918 года.*

После провала июльского мятежа в Москве ЧК открыто начинает преследовать эсеров. Из органов власти изгоняют всех, кто принадлежал к партии социалистов-революционеров; вчерашние союзники стали злейшими врагами.

Левые эсеры в начале августа 1918 года нелегально провели в Ливнах конференцию, принявшую постановление дать большевикам отпор всеми возможными способами. В Губисполкоме знали, что в Ливенском уезде неспокойно, тем более что он пользовался славой кулацкого оплота губернии. Уездная ЧК и возглавлявшие здесь власть большевики также чувствовали надвигающуюся угрозу.

Тем временем недовольство в деревнях начало прорываться наружу. 14 августа в ряде населенных пунктов произошло открытое неповиновение большевическим представителям, кое-где пролилась первая кровь. Не на шутку встревоженное приходящими докладами, руководство губисполкома 15 августа направило в г. Ливны 2-х уполномоченных и отряд из 49 «интернационалистов» (бывших военнопленных).

В создавшейся крайне накаленной обстановке организация левых эсеров решила привести в действие свои планы и, возглавив восстание, взять его под контроль. Д. П. Селитренников в своей книге подчеркивает: «Повсеместно непосредственную роль в организации мятежа играли кулаки». Однако активное участие в восстании эсеров дало в дальнейшем повод именовать его не иначе, как кулацко-эсеро-восстанием.

Попытки ЧК и красногвардейских отрядов подавить восстание в зародыше не увенчались успехом. Расправившись с большевиками в сёлах и организовав отряды, восставшие 18 августа 1918 года двинулись на город. Навстречу им из города вышел отряд, возглавляемый тов. Селитренниковым, в который входило 80 большевиков и 55 красногвардейцев. Восточнее города отряд вечером был разгромлен.

В Ливнах это восстание поддержали горожане и жители окрестных слобод. Разогнав охрану на железнодорожной станции, они захватили оружие и направились на базарную площадь, где уже скопилась масса народу. Туда отправился И. Д. Селитренников и попытался не то уговорами, не то угрозами заставить толпу разойтись. Но долго слушать его не стали, ударом вилами в спину он был сбит (очевидно, он был на лошади), а затем добит рубящим ударом лопаты по лицу.

Когда восставшие начали атаку города, им противостояло всего 200 человек при трех пулеметах. Многие команды красноармейцев были разосланы по волостям и рассеяны. Кроме красноармейцев, в Ливнах находился отряд интернационалистов и сотрудники ЧК.

Вечером 18 августа мятежники начали атаку на Ливны. Жестокий бой разгорелся на Елецкой улице. Красногвардейцы в упор расстреливали кулаков и обратили их в паническое бегство. Однако другому отряду мятежников удалось захватить Заливенку, продвинуться к центру города. Еще 25 красноармейцев заняли оборону со стороны слободы Беломестная. Держа под обстрелом мост через реку Сосну, они несколько часов удерживали отряды крестьян, рвущихся в город с юга. На ряде направлений повстанцы все же прорвались к центру города и начали громить советские учреждения. Бои носили ожесточенный характер.

Часть большевиков отступила к вокзалу. К ним на помощь прибыл с небольшим отрядом председатель губкома партии М. Н. Буров, но, поняв, что наличными силами ничего изменить нельзя, начал отправлять телеграммы в губернский военкомат с отчаянными призывами о помощи. Ситуация на тот момент благоприятствовала повстанцам. В ночь с 18 на 19 августа они захватили арсенал и утром начали решительную атаку. Буров со своим отрядом отступил к Русскому Броду, а Совет с оставшимися коммунистами оказался в полной осаде. Ближе к вечеру 19 августа сопротивление большевиков было окончательно сломлено. Численность восставших, по различным оценкам, колебалась в пределах от 6 до 12 тысяч человек.

Ливенское восстание было очень опасным для советской власти. Это понимал и В. И. Ленин. В своей телеграмме от 19 августа 1918 года, адресован-

ной М. Н. Бурову, Ленин писал: «Необходимо соединить беспощадное подавление кулацкого левоэсеровского восстания с конфискацией всего хлеба у кулаков и с раздачей бедноте части хлеба даром».

Для ликвидации восстания регулярным частям Красной армии понадобились всего лишь сутки. В подавлении восстания принимали участие отряд интернационалистов с остатками местной гарнизонной роты красноармейцев, Железный полк из Орла, прибывший из Курска бронепоезд, а также сводный отряд комбедов Лебединской и Кудиновской волости.

Утром 20 августа Орловский полк, громя неприятеля тремя орудиями, умело используя броневик, стал теснить мятежников. Мятежники уходили по улицам города, пытались закрепиться в окрестностях Ливен. Однако роты Орловского полка после трехчасового боя рассеяли противника. Плохо вооруженные и слабо организованные повстанцы ничего не могли противопоставить артиллерийскому огню красных.

Восстание было подавлено. Ленин приветствовал «энергичное подавление кулаков и белогвардейцев в уезде»¹.

Новый виток гражданской войны на Орловщине развернулся осенью 1919 года. Летом 1919 года Добровольческая армия генерала А. И. Деникина начала своё движение с юга на Москву.

23 августа 1919 года решением Совета Оборона республики Орловская губерния была объявлена на военном положении в связи с приближением войск Деникина. Губком партии губисполком постановили создать во всех городах и на железнодорожных станциях революционные комитеты и передать им всю полноту власти. 30 августа 1919 года были образованы Орловский, Брянский, Ливенский и Елецкий укрепрайоны.

По мере приближения фронта всё взрослое население вышло на строительство оборонительных сооружений. В Орле был создан коммунистический полк, командиром которого стал М. Г. Медведев.

Под Орлом натиск деникинцев сдерживали 9-я и 55-я дивизии, выигрывая время до окончательного сосредоточения войск ударной группы, которая затем во взаимодействии с частями 13-й и 14-й армий должна была перейти в контрнаступление.

Бои на Орловщине разгорелись в начале октября 1919 года. К Орлу рвались лучшие корниловские части. На 13-й армии, как и весной в Донбассе, лежит вся тяжесть борьбы с белыми. Отходя, эта армия ведет борьбу с исклю-

¹ Таратухин К. Ливенский край в годы второй великой смуты. Интернет ресурсы: <http://www.dk1868.ru/statii/livny1.htm>

чительным упорством и настойчивостью, свидетельствующими о высокой боевой устойчивости. К 1-3 октября дивизии армии занимают следующее положение: правофланговая 9-я дивизия — у Кромы, сводная дивизия — в 20 км к северу от Малоархангельска, 3-я дивизия занимает Ливны. Соседняя справа 7-я дивизия 44-й армии — у Дмитровска; с 8-й армией связи нет. Фронт армии — свыше 200 км, между сводной и 3-й дивизиями — разрыв около 60 км. Задача 13-й армии — приостановить дальнейшее отступление армии. Левый фланг — 42-я и 3-я дивизии — медленно отходит. С 1 по 5 октября идут непрерывные бои по всему фронту армии.

2 октября 1919 года белогвардейцы заняли Ливны. По воспоминаниям белого офицера Э. Н. Гиацинтова, Ливны были заняты без боя. Отсюда они повели наступление в двух направлениях: на Елец и на Верховье.

На направлении Ливны — Верховье деникинские войска сдерживала 3-я стрелковая дивизия. 3 октября 1919 года части Красной Армии отошли от Ливен. Однако им не удалось сразу закрепиться на новых позициях. Белые смогли занять село Пеньшино и станцию Русский Брод. Теперь надо было защищать подступы к узловой станции «Верховье».

Белогвардейцы бросили на Верховье бронепоезд «Князь Гагарин», чтобы с ходу ворваться на станцию и захватить её. Железнодорожники создали отряд, который направил навстречу бронепоезду деникинцев маневровый поезд. Его вёл один машинист. В результате столкновения бронепоезд был выведен из строя и завалился под откос полотна.

В ходе ожесточённых боёв 12 октября 1919 года части красных были выбиты с позиций и противник занял станцию «Скарятино», а затем рядом атак при поддержке двух бронепоездов деникинские войска заняли станцию Верховье. Из Верховья войска белых повели наступление в северном направлении — на Новосиль.

7 октября 1919 года белогвардейцами был занят город Малоархангельск. В этот же день белые заняли станцию «Змиёвку». На фронте 14-й армии белые к 8 октября занимают хутор Михайловский и Дмитровск. 10 октября белые овладели Кромами. 12 октября 1919 года на реке Цон у деревни Знаменка под Орлом вместе с частями Красной Армии героически сражался отряд М. Г. Медведева. Белогвардейцы захватили Медведева в плен и после страшных пыток расстреляли его.

13 октября 1919 года Орёл пал, части Красной Армии отступили к деревне Оптуха.

Не лучше было положение на фронте 55-й дивизии. Последняя после попытки наступать была обойдена с левого фланга, и 13 октября дивизия отхо-

дила на Золотарёво. Налетом конницы на штаб дивизии белым удалось полностью разрушить всякое управление и захватить в плен начальника дивизии (товарища Станкевича), и 15 октября дивизия в совершенном беспорядке, имея в составе около 2500 штыков, отошла на 20-25 км к северо-востоку от Орла. Отступившие от Орла части были сведены в одну 9-ю дивизию.

На Новосильском и Елецком направлениях части 3-й и 42-й дивизии вели упорную борьбу, отходя шаг за шагом с упорными боями. Лишённые связи со штабом армии и, не имеющие тактической связи ни с соседом справа, ни с фланговыми частями 8-й армии, эти дивизии сумели организовать серьёзное сопротивление наседавшему противнику и медленно отходили на север, оставившись 15 октября на рубеже Новосиль — Елец.

Схема 1. Положение фронта к середине октября 1919 г.

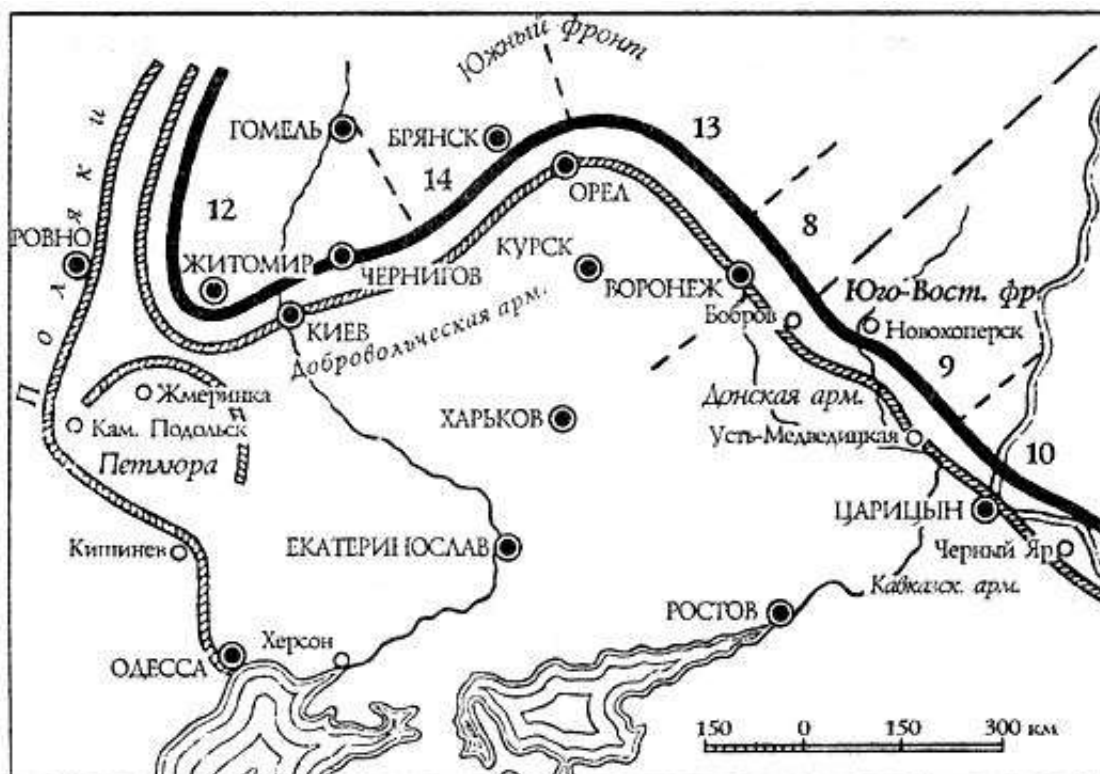
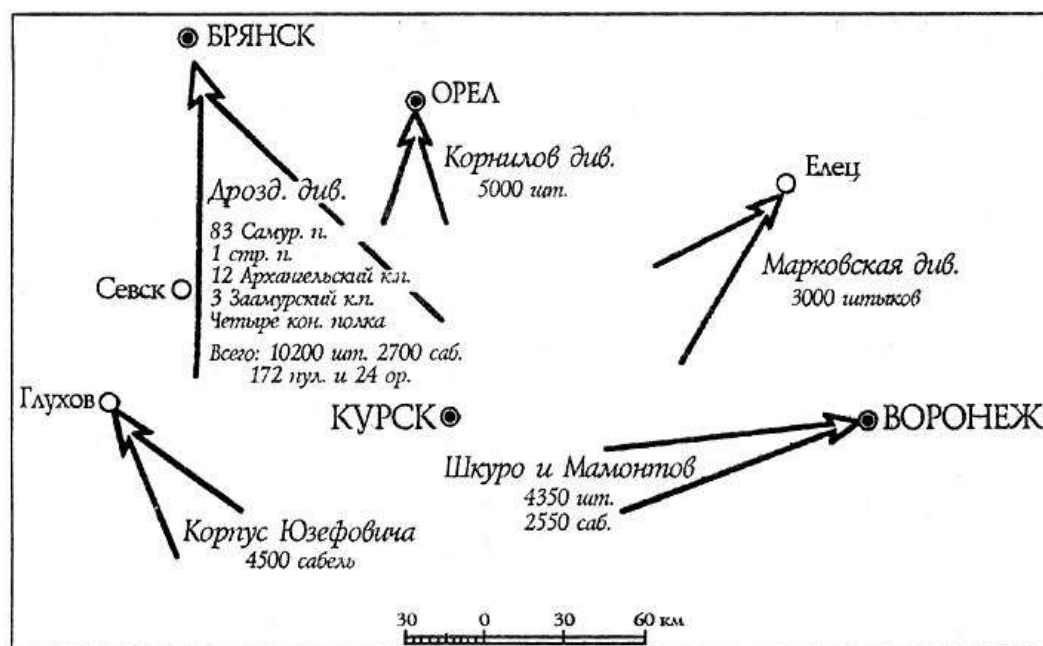

Схема 2. Группировка «добровольцев» на центральном участке фронта

Но дальше Орла белогвардейцам не удалось продвинуться ни на одном направлении. Красная Армия начинает своё победное шествие.

В ночь с 14 на 15 октября части латышской бригады освободили Кромы. Завязались ожесточённые бои в районах Дмитровска, Севска, Орла, Новосиля, Ельца.

В ночь с 19 на 20 октября завязался бой за Орёл. 20 октября 1919 года Орёл был освобождён. Орджоникидзе коротко телеграфировал Ленину о победе: «Привет из Орла».

Общее наступление по всей линии Южного фронта развернулось в конце октября.

25 октября 1919 года был освобождён от белых Новосиль, 26 октября — Дмитровск, с 29 октября по 5 ноября продолжались бои у Змиёвки, 31 октября 1919 года — освобождено Верховье, 4 ноября — Ливны, 7 ноября — Малоархангельск. Сила самых отборных белых «добровольческих» частей была сломлена.

**Хронологическая таблица
«Гражданская война в Орловской губернии».**

Населённый пункт	Когда был занят белогвардейцами	Когда был занят Красной Армией
Город Ливны	2 октября 1919 г.	4 ноября 1919 г.
Русский Брод	3 октября 1919 г.	5 ноября 1919 г.
Малоархангельск	7 октября 1919 г.	7 ноября 1919 г.
Змиёвка	7 октября 1919 г.	5 ноября 1919 г.
Дмитровск	8 октября 1919 г.	26 октября 1919 г.
Кромы	10 октября 1919 г.	15 октября 1919 г.
Верховье	12 октября 1919 г.	31 октября 1919 г.
Город Орёл	13 октября 1919 г.	20 октября 1919 г.
Новосиль	15 (16) октября 1919 г.	25 октября 1919 г.

§ 8. Орловская губерния в период новой экономической политики (1921–1927 гг.)

После окончания гражданской войны социально-экономическая и политическая обстановка в Орловской губернии была крайне напряженной. Губерния представляла собой один из наиболее отсталых аграрных регионов Центрального Черноземья, почти 90% из 1 млн 600 тыс. населения проживало в сельской местности. Революция и гражданская война нанесли огромный урон основному сектору экономики: с фронта не вернулось 37% дееспособного населения, крестьянская запашка в 1920 г. сократилась в 2 раза по сравнению с 1913 г., малолощадность стала характерной чертой орловской деревни.

В 1920 г. из состава Орловской губернии выделились Брянский, Трубчевский и Севский уезды, с ними отошел и сектор крупной промышленности. В Орловской губернии осталось только 26 предприятий с численностью рабочих свыше 100 человек, но и они бездействовали. По сравнению с 1913 г. объём валовой продукции ведущих отраслей местной промышленности — текстильной и кожевенной — сократился более чем в четыре раза. Безработица наводнила города.

Военный коммунизм спровоцировал социальные конфликты. В начале 1921 г. крестьянские волнения прокатились по Орловскому, Ливенскому, Кромскому и Дмитровскому уездам.

Симптомы кризиса накануне нэпа отмечались и в губернской партийной организации: слабость внутрипартийной структуры, бюрократизация аппарата, напряженность на каждом уровне партийной структуры, тенденции внутрипартийного сепаратизма.

Введение продналога в Орловской губернии имело свою специфику. Во-первых, его размеры в 1921/1922 и 1922/1923 гг. превышали размеры продразверстки. По продразверстке в 1920–1921 году в губернии было изъято около 5 млн. пудов хлеба, в 1921/1922 г. было собрано по продналогу — около 7 млн. пудов, в 1922/1923 г. — 13,5 млн. пудов. Во-вторых, он не был чётко фиксирован, что нашло отражение в протоколах партийных заседаний. В-третьих, он не объявлялся до начала весенней посевной, по крайней мере, до 1924 г. Наконец, принцип его расчёта исходил не из товарных возможностей крестьянского двора, а из потребностей государства и политико-экономической конъюнктуры текущего года. Методы сбора продналога в орловской деревне сохраняли отпечаток практики военного коммунизма.

В 20-е гг. можно говорить о возрастании политической активности кре-

стьянства, одним из проявлений которого являлось требование создания Крестьянского союза — структуры, параллельной системе власти, аналогичной профсоюзу рабочих. Активность крестьянства была наиболее высока в периоды кризисов 1923 г. (кризис «ножниц цен»), 1924 и 1927/28 гг.

Самым значительным по глубине социально-экономических последствий в губернии стал кризис 1924 г., вызванный неурожаем. Обозначившийся в первые годы нэпа процесс восстановления сельского хозяйства губернии был резко прерван. После кризиса губерния вступила в фазу экономической депрессии, из традиционного поставщика хлеба на российский рынок она превратилась в потребляющий район: до революции губерния вывозила до 25 млн. пудов зерна в год, в 1925 г. ей понадобилось около 3 млн. пудов ржи для восстановления хлебного баланса.

По данным бюджетных обследований крестьянских хозяйств Орловским Губстатотделом за 1925—1926 гг., уровень доходности крестьянского населения не превышал 125 рублей в год на единицу рабочей силы и около 71 рублей на душу населения при стоимости эквивалента того времени — ржи — от 55 копеек до 1,1 рублей за пуд. Низкая доходность сельского хозяйства в сочетании с наличием рабочей силы обусловили широкое развитие среди крестьян кустарных и отхожих промыслов, что давало дополнительно до 25 рублей на одну рабочую силу. Основной бюджетной составляющей орловского сельского населения являлось полеводство — 76,8%, промысловая деятельность вносила около 20%, скотоводство было малорентабельным, другие отрасли играли незначительную роль.

Социальная структура орловской деревни в 20-е гг. Основной группой крестьянских хозяйств, согласно динамической переписи, были самостоятельные хозяйства (63,3% в 1926 г.). Они занимали ведущие позиции в общем объеме производственной деятельности губернии (74,4%), являлись самым крупным поставщиком сельхозпродукции на рынок и одновременно ведущим её потребителем. Следующей по численности категория хозяйств была представлена малопроизводительными, экономически слабыми зависимыми хозяйствами (32%). Почти полное отсутствие технических средств производства, недостаточная оснащённость землёй и рабочей силой не позволяла им обеспечить себя необходимым запасом продовольствия, что вынуждало их включаться в рынок в качестве потребителей. Наибольшей доходностью отличалась незначительная по численному составу группа предпринимательских хозяйств (4,7%). Они играли заметную, но далеко не определяющую роль в сельскохозяйственном производстве (9,6%), промысловой деятельно-

сти и рыночном обороте (15%).

В губернии преобладало мелкое производство, связанное с сельским хозяйством: мукомольное, крупорушечное, маслобойное, винокуренное, обработка пеньки и т. д. В начале нэпа местные власти провели денационализацию мелкой кустарной промышленности, при этом самыми распространенными объектами сдачи являлись мельницы. Эта мера помогла вдохнуть жизнь во многие находящиеся в состоянии застоя предприятия. С восстановлением губернской промышленности сразу же обозначилось её ведущее направление — пищевая отрасль. Эта тенденция развития, ставившая промышленность в зависимость от сельского хозяйства, сохранилась в губернии до конца нэпа.

Опыт трестирования относительно крупной в губернских масштабах промышленности в период нэпа был неудачен. В 1924 г. было создано монопольное Орловское государственное промышленное объединение. Вскоре верхушка треста слилась с губернскими органами экономического управления. В 1925–1926 гг. обозначился его кризис, так как «доходы промышленности проедались, и она была в развале». Собственный оборотный капитал треста составлял 1,5–2% по отношению к заемным средствам. Его реорганизация подорвала экономически хрупкую орловскую промышленность, потерявшую 43,5% оборотных средств. Выходом из создавшейся ситуации стало прикрепление важнейших предприятий к соответствующим отраслевым общероссийским синдикатам для работы с привлечением средств последних на контрактных началах.

Самым многочисленным в губернии было мелкое и кустарное производство. По данным ГСНХ, стоимость его валовой продукции составила 73% от всей произведенной в губернии продукции. Доля промышленности в общем объёме губернского производства была незначительна, соответственно, решение социальных и экономических проблем в регионе в сфере занятости населения на базе промышленности не представлялось возможным. В Орле и уездных городах очень остро стояла проблема безработицы.

Функциональное назначение кооперации при нэпе заключалось в подготовке и облегчении коллективизации в противовес исторически сложившейся индивидуальной интеграции крестьян в рынок. Важнейшим аспектом деятельности потребительской кооперации были хлебозаготовки. Орловская потребкооперация испытывала при этом большие трудности, обусловленные нездоровой конкуренцией с государственными органами и частником на рынке, депрессией на хлебном рынке после неурожая 1924 г., политикой лимитов и т. п. Ставка на потребкооперацию как альтернативу частному капиталу и проводника государственной политики регулирования рынка не оправдалась.

Состояние орловской кооперативной сети с кредитными функциями представлялось в следующем виде: малочисленность пайщиков, крайне скудные собственные капиталы, пассивность в привлечении вкладов, неудачное увлечение торговой и промышленной деятельностью, разорявшей кооперативы, частые растраты, отсутствие долгосрочного кредита.

Основным видом кооперации в силу дореволюционных традиций и профиля экономического производства в Орловской губернии являлась сельскохозяйственная кооперация. Её приоритетным направлением было создание коллективных хозяйств. В период нэпа подобные структуры в губернии создавались чаще всего бывшими владельцами земли с целью возврата и сохранения «родовых гнезд», зажиточными крестьянами с целью расширения имеющейся земельной площади, использования государственного земельного фонда и льгот государства. Колхозы строились на индивидуальной основе, прикрываясь коллективным уставом, совместной здесь могла быть обработка земли, напоминающая традиционную супругу. Это была противоположная «школе коллективизации» адаптация к новой политико-экономической конъюнктуре. Орловская сельскохозяйственная кооперация, как и другие виды, не смогла восстановить свой дореволюционный потенциал.

На развитие торговли в Орловской губернии накладывали отпечаток региональные факторы: аграрный характер производства, незначительный процент городского населения (11% в 1920 г.), слабо развитая транспортная сеть. Традиционно торговля в губернии носила мелкий розничный характер. В период нэпа торговый оборот губернии достиг и перекрыл довоенный уровень. Постепенно увеличивался удельный вес государственной и кооперативной торговли за счёт искусственного снижения государством доли частной торговли. Последней во время нэпа не удалось выйти из мелколавочных рамок. Внутригубернский рынок не был полностью насыщен даже в самые благоприятные годы, особенно промышленными товарами. Другой особенностью внутренней торговли в период нэпа было недостаточное предложение хлеба крестьянами. Государство, взяв на себя прерогативу покупки хлеба у крестьян, ставило их в невыгодное положение. Кризис «ножниц цен» 1923 г. сменился резким повышением цен на хлеб из-за неурожая 1924 г., власти отреагировали жёсткой политикой лимитов, спровоцировав недовольство крестьян. Низкие закупочные цены делали невыгодным выращивание зерна. Увеличение крестьянских платежей в 1926/1927 гг. не позволяло их покрывать за счёт реализации хлеба, принуждая крестьян выбрасывать на рынок другие сельскохозяйственные товары.

Одним из основных направлений финансовой политики являлось восстановление налоговой системы, разрушенной революцией и гражданской вой-

ной. Автономия местного бюджета повлекла за собой введение местных налогов. В 1923 г. их насчитывалось 27 видов, среди которых были: налог с промышленных садов и огородов, налог на право охоты, с плакатов и афиш, со зрелищ и увеселений, с древесины и т.д. Рыхлость налоговой основы, неупорядоченность фискального аппарата и путаница множественных, в том числе и местных, налогов породили «налоготворчество» — практику произвольного взимания уездными властями незаконных налогов, например обложение населения «на местные нужды» в Болховском уезде, налоги с поздней торговли (после 19 часов) в Елецком уезде, налоги в пользу Уездного Отдела Народного образования, на улучшение быта милиции, взыскания за купание в пруду и появление на улице после 20 часов в Дмитровском уезде и т. д.

Губернский бюджет постоянно обнаруживал дефицит, так как налоговые поступления шли в основном от сельского хозяйства. Орловская губерния в этом плане считалась отсталой по союзным меркам и зависела от государственных пособий. Благоприятные перспективы для местного бюджета открылись только к концу нэпа, когда возрос объём государственных пособий и появилась определенность в их назначении. Основной задачей губернских властей до конца нэпа являлось превращение бюджета из потребительского, на основе дотаций из центра, в производящий, на основе собственных производственных доходов. Однако 51% дотаций в бюджете губернии в 1927 г. обнаруживал её прямую зависимость от государственного фонда.

Таким образом, в период нэпа происходило укрепление организационной структуры «правящей» партии, складывалась внутривластная иерархия во главе с губернским комитетом. Тенденции местничества, проявлявшиеся низовыми организациями, преодолевались губкомом в течение всех лет нэпа. Во время нэпа в губернии происходила институционализация партии: она стала государственным институтом и институтом социальной мобильности. В провинциальной среде деятельность партийных структур, особенно на уездном и волостном уровне, приобрела ярко выраженный практический уклон, аграрную направленность.

Основу аграрной политики большевиков составляла налоговая политика, имевшая генетическую связь с продразверсткой и в методах проведения, и в целях, преследовавших выкачивание ресурсов из деревни, поддержку маломощных слоёв за счет зажиточных — основных налогоплательщиков, что делало ее в корне противоречивой. Являясь вынужденной уступкой большевиков, продналог, тем не менее, запустил экстенсивный восстановительный механизм сельского хозяйства: расширилась посевная площадь. Неурожай 1924 г. повлек за собой экономический кризис, в ходе которого губерния пре-

вратилась из производящей в потребляющую. Анализ составляющих производственной деятельности крестьянского хозяйства (земли, скота и инвентаря) показывает, что орловский аграрный сектор, основу которого составляли единоличные крестьянские дворы, не имел ресурсов для повторного возрождения. Аграрный вопрос к концу нэпа упирался в интенсификацию сельского хозяйства, которую невозможно было произвести без модернизации экономики в целом. Находясь в зависимости от капризных природных условий, слабой обеспеченности средствами производства, испытывая на себе давление власти, которое во второй половине 20-х было направлено на основных производителей, переживая семейные разделы, крестьянское хозяйство заботилось о выживании, а не о наращивании темпов производства.

Анализ развития промышленности, кооперации и торгово-финансовой сферы в губернии в период нэпа демонстрирует, что эта политика, порожденная политическим и социально-экономическим кризисом, отвечала реалиям восстановительного периода, но не содержала потенциала для дальнейшего экономического роста.

§ 9. Довоенный Орёл (30-е годы XX века).

Сложившийся во второй половине XIX – начале XX века архитектурный и культурно-бытовой облик города Орла в послереволюционные годы подвергся кардинальным изменениям. После установления Советской власти лучшая часть городских строений получает новое предназначение, связанное с деятельностью партийных и советских властных структур. Часть зданий утрачивается в период гражданской войны. На площадях города, одними из первых в стране, появляются памятники вождям мирового пролетариата — В. И. Ленину и К. Марксу. На главной площади города — Соборной (ныне сквер Гуртьева) — по аналогии с Красной площадью в Москве — закладывается кладбище жертвам революции. Тогда же проходят первые переименования улиц. Тем не менее, в 20-е годы в целом Орёл еще имел те же самые архитектурные доминанты и исторически сложившиеся комплексы улиц и площадей, что и в более ранний период.

Крупные изменения в облике города начинаются со стартом так называемой «безбожной пятилетки». В это время город начинает быстро утрачивать прежний облик, прежде всего, за счёт уничтожения церковных строений. Уже в 1921 году под клуб больницы № 5 была передана Кирилло-Мефодиевская церковь, в Иверской разместилась железнодорожная школа, во Введенской — клуб «Кожтреста». В 1921–1926 годах были закрыты все церкви Архиерейского дома, Васильевская церковь, в 1923 — все храмы Введенского женского монастыря и Петропавловский собор.

С зимы 1929–1930 годов борьба с церковными устоями и с церковными зданиями принимает более решительный характер. Тогда «по многочисленным просьбам трудящихся» с городских церквей снимаются колокола. С тех пор город на долгие годы лишился очарования колокольного звона. В январе 1930 г. начинается планомерная кампания по закрытию церквей с тем, чтобы использовать их здания под производственные мощности или объекты социально-культурного назначения. Одновременно принимается решение о разборе башни Похвалинского, не относившейся к культовым сооружениям, но являвшейся одной из самых оригинальных построек Орла. Одна из подобных визитных карточек города — Московские ворота — были разобраны в 1927 году.

К маю 1931 года из 30 церквей и часовен в Орле остаются действующими всего 15. Горфинотдел уже имеет точные данные, сколько тонн железа содер-

жится в их оградах, сколько килограммов цветного металла в их люстрах и подсвечниках, сколько и каких комплектов парчовых облачений имеется у священнослужителей. Зимой 1929–1930 гг. город лишается одной из самых ярких культовых построек — взрывают величественный Троицкий собор на территории церковного комплекса Архиерейского дома (район совр. поликлиники № 2 Советского района). В 1930 году разрушается Христорождественский собор Введенского (Христорождественского) монастыря, здания Воскресенской и Тихвинской церквей будут переданы заводу резинотехнических изделий «Вулкан». Окраинный уголок Орла в районе 1-й Курской улицы теперь станет известен как «Рабочий городок».

Тогда же, в 1929–1930 годах закрываются церкви Преображенская, Сергиевская, Покровская (Черниговского полка), Николая Чудотворца (на старообрядческом кладбище), Крестовоздвиженская и Борисоглебский собор. В их зданиях размещаются мастерские, клубы, склады, проч. В начале 30-х годов уже не действуют Покровская, Богоявленская, Воскресенская, Георгиевская, Успенская (Михаило-Архангельская), Успенская (Ново-Благословенная), Никольская (В рыбных рядах) и Никольская (на-Песках) церкви. Накануне Великой Отечественной войны многие церковные здания были взорваны или разобраны (Воскресенская, Крестовоздвиженская, две Никольские, — на старообрядческом кладбище и в Рыбных рядах, Петропавловский кафедральный собор, Покровская церковь Черниговского полка) и, как кажется, навсегда исчезли из жизни города. Постепенно закрывались и остальные. В Никитской церкви, «продержавшейся» дольше остальных, накануне Великой Отечественной войны был устроен склад сухофруктов.

Последний действующий храм, Воскресенская церковь на Афанасьевском кладбище, вынужден был прекратить службы в 1941 году. Все культовые здания других конфессий также были закрыты и ликвидированы. В синагоге (улица Советская, 22), закрытой в 1923 году, помещались различные учреждения, в частности, Аэроклуб. Лютеранская кирха была снесена в 1932 году. Дольше всех продолжались службы в Католическом костёле. В 1938 году польская католическая община распалась, и костёл был передан областному совету ДСО «Динамо» (улица М. Горького, 17). Орёл вошел во вторую пятилетку с минимумом действующих церквей, но с Безбожной (Безбожников) улицей (совр. Гагарина) и Безбожным (Безбожников) переулком (совр. Рыночный). В здании Богоявленской церкви появляется Антирелигиозный музей.

Название «Безбожник» возникает повсеместно. Теперь так называются не только улицы, но сельхозартели, Дома культуры, стенные газеты. Орловский

Дворец юных пионеров выпускает стенгазету «Маленький безбожник». Дети пишут туда заметки «Кто придумал бога». Безбожие в массовом сознании освобождает место для новой идеологии. Её распространение становится приоритетным направлением государственной политики. Ленин и его соратники интенсивно популяризируются. Их портреты тиражируются. Ими украшаются кабинеты городских учреждений, портреты появляются в школах и детских садах. До войны самым популярным лицом на портрете был В. И. Ленин. Зафиксирован случай, когда фотография вождя была вставлена в оклад вынутой отсюда иконы и помещена в красный уголок. Частым украшением общественных зданий становятся знамена и лозунги, написанные на кумачовых полотнах.

Персоналии портретов меняются. Так, если в 20-е годы помимо портрета Ленина стены общественных зданий Орла украшались изображениями таких представителей советской власти, как Л. Д. Троцкий, А. И. Рыков, К. Е. Ворошилов, то во второй половине 30-х годов повсеместно преобладают портреты И. В. Сталина. Сталин входит в общественное сознание как всеведущий и всемогущий революционный вождь. Поклонение ему постепенно вырастает до размеров религиозного. Радио приносит песни о Сталине, плакаты передают его облик, поэты и дети пишут о Сталине стихи, рисуют его портреты; вождю начинают рапортовать о своих трудовых успехах. К этому времени относится помещение изображений Сталина не только в официальных учреждениях, но и в домах орловских жителей. Однако по свидетельству очевидцев на улицах довоенного Орла политической рекламы было немного. Характерно, что жителям города она не казалась навязчивой.

Существенной частью новой городской реальности стали переименования улиц. В 1925 году было произведено 10 переименований из запланированных 17, в 1926 году пленум Орловского горсовета переименовал 47 старых улиц и подтвердил два уже сделанных переименования, хотя и не все они были реализованы на практике. В мае 1929 года была переименована 31 улица, а в августе 1938 года ещё 65 улиц и переулков. Переименования, произведенные в 1929 году, были столь многочисленными, что у их авторов не «хватило» названий. Тогда в Орле, в частности, появились многочисленные Московские переулки. В 1938 году их названия заново меняли на более персонифицированные. Так, старинный Плаутинский переулок, бывший в течение девяти лет 1-м Московским, стал называться улицей Степана Разина, бывший Нарышкинский переулок, он же 2-й Московский, был переименован в улицу Революции, Струковский переулок, 3-й Московский, в 1938 году получил название улицы Герцена и так далее.

Уходили в прошлое родные Орлу названия — Болховская, Ильинка, Сергиевская, Воскресенский переулок. Вместо них активно входили в жизнь улица Ленина, площадь 1 Мая, улица 1 Мая, Володарский переулок, улицы Сакко-и-Ванцетти, Розы Люксембург, Карла Либкнехта и прочие. Соборная или Кадетская площадь стала называться площадью им. III Интернационала (совр. сквер имени Гуртьева). Лицам старшего поколения название представлялось сложным для произнесения. Молодёжь, начинающая жизнь в качественно иной атмосфере, быстро привыкала к переименованиям. Следует отметить, что ни улицы, названной именем Сталина, ни памятника ему в довоенном Орле не существовало. Улица с таким названием появилась в 1949 году (совр. Московская).

Как и до революции, город делился на три части. Но теперь это были не безликие названия частей — 1-я, 2-я, 3-я. Районы получили названия — Заводской, Железнодорожный, Советский.

Центральной площадью Заводского района, этой самой древней части Орла, до войны считалась площадь Карла Маркса с памятником у современного театра «Свободное пространство». Слева от него по направлению к мосту через Оку шёл квартал классических зданий на месте Банковской школы нашего времени. Квартал включал в себя здание банка и оканчивался не сквериком им. Маяковского, как сейчас, а каменными двухэтажными домами, пострадавшими в 1943 году и снесенными. В одном из таких домов располагался известный в довоенное время Дом офицера. В этом же ряду зданий с окнами, выходившими на набережную Орлика, помещались областной и городской комитет комсомола и редакция газеты «Орловская правда». Областной же комитет ВКП(б) располагался в Советском районе на Октябрьской улице. Рядом с горкомом комсомола в сквере Коммунальников напротив рядов всегда было много молодёжи. Здесь же, около горкома РКСМ проводились и молодёжные мероприятия. Так, комсомольцы города однажды встречали в сквере Коммунальников подшефных моряков из Севастопольского морского училища.

Улица Кооперативная (бывшая Гостиная) до войны вообще считалась любимым местом прогулок горожан. Как правило, они прогуливались от Володарского (Воскресенского) переулка до Красного моста. Гуляющие заходили за французскими булками в Александровскую булочную на улице Сакко-и-Ванцетти (совр. улица Карачевская). «Александровские» булки выпекались ещё и после войны и считались в Орле самыми вкусными. Летом любимым местом отдыха орловчан становился левый берег Оки в районе Красного моста. Именно там тогда находился городской пляж. Другим любимым местом

летнего отдыха был так называемый сад «Аквариум», находившийся на левом берегу Орлика в районе современного подвесного моста.

Популярным кинотеатром в этой части города у жителей довоенного Орла считался «Молот». В шутку его иногда называли «Молотовым», в честь популярного тогда партийного и государственного деятеля В. М. Молотова. Он располагался в дореволюционном здании на левом берегу Оки неподалеку от Красного моста. Мост был очень хорош. Пройдя под его белыми сводами в конце 30-х годов, горожане видели за зданием Советской школы № 7 (бывшая гимназия Аблецовой и Байковской) две церкви — Преображенскую — невысокую, беленькую, и Покровскую, находившуюся уже в начале разрушения. На правом окском берегу высился пивзавод, «бывшее владение г-на Шильде». Вблизи него имелся ларёк, в котором продавалась свежая заводская продукция. Как ни странно, в очереди за пивом нередко можно было увидеть маленьких детей: тогдашние орловские доктора считали стаканчик пива необходимым лечением для ребёнка по ряду медицинских показаний.

От вокзала по улицам Московской и Кооперативной в сторону улиц Ленина и Комсомольской ходил трамвай. (Интересно, что с 1937 года трамвайщикам выдавалась летняя форменная одежда). В 1938 году узкоколейная трамвайная линия была заменена ширококолейной. Часть центральных мостовых заасфальтировали, в том числе и Комсомольскую улицу, бывшую Кромскую. По ней протянули трамвайную ветку от Кромской площади к Стрелецкой слободе (совр. район ЦНТИ). (С 1928 года Стрелецкая слобода вместе с Пушкарной официально вошла в состав города, хотя Пушкарная слобода уже и во второй половине XIX века имела нумерацию городского квартала, а её жители числились владельцами городских усадеб Орла). Трамвай теперь проходил по торговой площади, которая находилась тогда на месте теперешнего парка перед университетом. На ней торговали скотом. С раннего утра в базарные дни здесь продавали коров, лошадей, овец, здесь также можно было купить живую птицу.

Автобусы в городе начали ходить с 1934 года. В довоенном Орле они курсировали по двум маршрутам. Оба они начинались от вокзала. Один маршрут заканчивался в Советском районе на ул. 2-ой Коммуны (б. Заострожная, ныне ул. Ермолова); другой — в Заводском районе на улице Сакко-и-Ванцетти (совр. Карачевской). Транспорта в Орле не хватало, но автобусы ходили полупустыми — плата за проезд в них была втрое дороже, чем в трамвае. В 1938 году на самых оживленных улицах города были установлены светофоры.

В целом Заводской район практически не претерпел значительных изменений по сравнению с дореволюционными временами. Изменились лишь хозяева бывших купеческих особняков, которыми были застроены улицы Кромская и Карачевская (Сакко-и-Ванцетти), а также современная площадь генерала Ермолова. Двухэтажные, с толстыми стенами и коваными узорчатыми решетками, особняки имели грандиозные подвалы, выходившие под трамвайные рельсы, когда на улицу Сакко-и-Ванцетти, бывшую Карачевскую, пришёл трамвай. Старожилы вспоминают об огромных медных ручках в комнатах тех домов, о необыкновенных по высоте потолках и широких подоконниках, характерных для типовых зданий конца XIX – начала XX века. (Эти достаточно прочные каменные постройки были снесены только в конце 60-х – начале 70-х годов XX века). Примерно в том же духе описывали очевидцы внутреннюю отделку дома бывшего его владельца купца Калашникова на Болховской, а ныне Ленинской улице. Подвалы в таких домах были обширны, температура в них всегда была одинаковой, пригодной для хранения скоропортящихся продуктов и солений. Подвалы представляли собой как бы некие термосы. Крюки, вбитые в их потолки, были предназначены для подвешенных окороков или подобных припасов. Преогромный подвал имелся в здании школы № 26, на месте которой сейчас стоит кинотеатр «Октябрь». Директор этой школы А. Н. Комаров-Жорес был руководителем одной из самых активных подпольных групп в годы оккупации. Есть версия, что многие документы своей организации подпольщики скрывали в недрах этого подвала.

Самой окраинной орловской школой этой части города считалась школа № 12. Она была открыта осенью 1937 года. В годы войны здание школы было разрушено бомбой и восстановлено впоследствии в 1949 году. Шпагатная фабрика в районе современного Шпагатного переуллка считалась ещё «орловской», но далее начинались земли колхоза «Пробуждение», центром которого была тогда деревня Образцово. Его основателем и бессменным руководителем свыше 30 лет был Илья Петрович Савин (1902—1967). Несмотря на объективные трудности, Савин сумел создать колхозникам достойные условия для труда и жизни. До войны в Образцово были заложены парниковое хозяйство и сад, заведена пасека на 200 пчелосемей, построены скотоводческие помещения и зернохранилище. В 1935 году в «Пробуждении» на трудодень выдавали 3 рубля деньгами, 3 кг хлеба, 15 кг овощей. По тем временам это были серьезные показатели благосостояния хозяйства. Темпы роста хозяйства были таковы, что заявления о приёме в колхоз начали поступать даже от жителей города Орла. В 1937 году, например, в «Пробуждение» решили вступить 20 семей ра-

бочих шпагатной фабрики. В 1940 году продукция колхоза была достойно представлена на Всероссийской Сельскохозяйственной Выставке в Москве.

До войны особую гордость колхоза «Пробуждение» составляли сады. Садовод хозяйства Кулешов был награжден тремя Большими Золотыми и двумя Малыми серебряными медалями Главной сельскохозяйственной выставки СССР. Во время войны сады были вырублены немцами на дрова. На землях колхоза «Пробуждение» после войны был построен «Автовокзал», а за ним целый район на улице Комсомольской.

Новый статус Орла, ставшего в 1937 году центром достаточно большой Орловской области, заставил городские власти активно заниматься благоустройством. Но уже и ранее в Орле строились здания, отразившие новые тенденции архитектурного стиля и быта. В 1933 году на Промышленной площади (ныне Поликарпова), занявший значительную часть Воздвиженской площади у бывшей Крестовоздвиженской церкви, был построен 200-квартирный 4-этажный дом-коммуна, в архитектурном отношении образец стиля конструктивизма. Он был построен для рабочих завода Медведева и являлся настоящей гордостью Орла. Водопровод, канализация, центральное отопление, редкие по тем временам, сочетались с общими столовыми и кухней. Так же, как в московском Доме на Набережной, здесь предусматривалось, что рабочие завода в свободное время будут заняты активным досугом и творчеством, а быт станет второстепенной деталью. Поэтому в доме имелось не только специальное помещение для культурно-массовых мероприятий, но и плоская крыша, которую можно было использовать как солярий. Там же имелся и душ. К сожалению, как и большинство крупных зданий Орла, дом погиб при бомбежке в 1943 году.

В Железнодорожном районе перед войной на бывшей базарной площади Ильинке мы бы увидели подросшие деревья Первомайского сквера (посадки 1920 года), новый дом на площади 1 Мая (пл. Мира, 5, построен в 1936 г. по проекту архитектора А. С. Тодорова), заасфальтированную Московскую улицу, на которой с 1939 года начали появляться автомобили-такси М-1.

В дореволюционных каменных зданиях на Московской напротив молодого сквера проживало большое количество орловских семей, «уплотнивших» бывших хозяев. На окружающих Московскую улицах и переулках — на Советской, Дзержинского (совр. Покровской), на Курских в то время ещё существовала плотная частнохозяйственная застройка, где до войны ещё можно было встретить представителей уже невозможных при Советской власти профессий, носителей фамилий старых купеческих, а то и дворянских родов и священнослужителей.

От 2-й Курской по неизвестной уже нам линии трамвай ходил в Рабочий городок. Рядом с разрушенной Крестовоздвиженской церковью Домом-коммуной в 1940 году был выстроен кинотеатр «Родина». 12 февраля того же года в нем был показан первый художественный фильм, лента называлась «Минин и Пожарский».

Новым зданием того времени был и клуб завода «Текмаш». Большой популярностью в Железнодорожном районе пользовался кинотеатр пожарного депо. Возле него был сад. Популярным местом отдыха считались также клуб железнодорожников «Броневик» и клуб «Ударник». В клубах имелись самые разные кружки. Помимо значительного количества политизированных мероприятий, в клубах устраивались вечера отдыха и непрямые танцы. (Танцы в клубе Бронетанкового училища орловские девушки предпочитали остальным). Свой клуб был и в Рабочем городке. Территория Городка была электрифицирована и благоустроена. В бывших монастырских кельях поселились рабочие завода. Ничто более не напоминало о существовавшем здесь ранее монастырском комплексе. В бывшем здании Орловской духовной семинарии перед самой войной работал железнодорожный техникум (с 1930 г) и 34-я школа имени Ф. Э. Дзержинского.

Гордостью довоенного Орла была железнодорожная станция, одна из лучших в Советском Союзе. Здание вокзала, известное ещё И. С. Тургеневу и Л. Н. Толстому, не уцелело в Великую Отечественную войну.

Известным местом прогулок в этой части города являлся так называемый Витебский парк, насаженный до революции работниками железной дороги в пространстве между улицей Ляшко и забором железной дороги с одной стороны, и между улицами Грузовой и Пушкинской с другой. В парке имелись аллеи и скамейки. Здесь, как и до революции, любили проводить время железнодорожники.

Большие изменения происходили и в Советском районе. Самые добротные и эффектные дореволюционные постройки теперь служили новой власти. Бывшее здание Александринского института благородных девиц используется под техникум и школу. (Кстати, именно поэтому Институтский переулок стал Школьным, и под этим именем бульвар Победы был известен старшему поколению. Правда, Школьный переулок размещался чуть правее современного.) Накануне войны в прежнем институтском здании разместилось руководство Орловского военного округа, созданного в 1937 году.

В бывшем Бахтина кадетском корпусе открылась танковая школа, преобразованная в 1937 году в Орловское танковое училище имени М. В. Фрунзе. На площади перед ним на месте современного сквера им. Гуртьева проходили

спортивные смотры, парады физкультурников, заезды на велосипедах и т. д. Важную роль в спортивной жизни города играли курсанты-танкисты. Эта была новая советская элита. Подтянутые, спортивные, улыбчивые и вежливые, курсанты вызывали неизменное уважение. Облик будущего красного командира-танкиста дополняла эффектная военная форма, интересным элементом которой были очки.

Спортивные мероприятия на площади III Интернационала проходили рядом с новым советским кладбищем, расположенным рядом с бывшим Петропавловским собором (место совр. библиотеки им. И. Бунина). До войны это было самое престижное советское кладбище. На нём хоронили советских и партийных деятелей города, председателей ЧК, разбившихся парашютистов, лётчиков, военных, советских поэтов. В 1918 году здесь торжественно прошли первые похороны жертв Ливенского мятежа. За 20 лет кладбище разрослось. Простые захоронения не имели высоких оград. Их отмечали небольшие обелиски с короткими надписями. На одной из них значилось: «Комсомолец КИМ». Следуя тексту революционного гимна «Интернационала», в котором есть слова «Отречёмся от старого мира», человек отрёкся от всего, что было связано с прошлым, в том числе от фамилии и имени, и дал себе новое имя, расшифровывающееся как «Коммунистический Интернационал Молодежи». На этом кладбище были похоронены герой гражданской войны М. Г. Медведев и пролетарский поэт Иван Селихов. Здесь же после войны похоронили и генерала Л. Н. Гуртьева. На месте его захоронения и был поставлен известный памятник, оказавшийся потом перед новой библиотекой им. Н. К. Крупской (совр. им. И. А. Бунина). Захоронения же были перенесены в дальнейшем на Троицкое кладбище.

В 1940 году собор перед советским кладбищем, в котором стояли на молитве Николай I и Александр II, собор, к которому в 1918 году пришёл последний крестный ход, собор, которым любовался И. Бунин, поместивший его описание в своей «Жизни Арсеньева», был взорван.

Традиционным центром довоенных демонстраций был памятник В. И. Ленину, стоявший на Садовой улице в начале известной с дореволюционных лет аллеи. Сюда стекались демонстранты с портретами Ленина и Сталина, со знаменами и цветами. Известной нам площади Ленина в довоенном Орле ещё нет. Но и новых домов, построенных в 30-х годах на месте современного ОГАТ им. Тургенева и разрушенных в войну, мы тоже уже никогда не увидим. Аллея на Садовой, известная горожанам с дореволюционных времён, начиналась тогда памятником Ленину. Прогуливаясь по ней, в том Орле мы пришли бы в замечательно ухоженный довоенный городской сад с летним

театром, с духовым оркестром, с гастрольными выступлениями артистов и местных самодеятельных коллективов. Здесь выступали орловские поэты, танцоры, певцы. Руководство творческой деятельностью осуществляли обком и горком комсомола. Горкомовские комсомольцы вместе с молодыми артистами ходили в походы по орловским окрестностям, зимой катались на коньках на стадионе «Динамо», что был напротив городского сада. Одним из любимых развлечений орловцев и был имевшийся в то время в Орле цирк.

Небольшой парк с детскими аттракционами в Советском районе был до войны на месте современной школы № 22. Из новых построек того времени в Орле сохранился лишь жилой «дом лётчиков» (ул. Гуртьева, 6).

Каменные строения городского центра окружало плотное многослойное кольцо деревянной частной застройки. Когда в годы Великой Отечественной войны центр города был превращен в каменное крошево, деревянная часть Орла оказалась более сохранной: сюда не закладывались взрывные устройства фашистскими оккупантами, эти районы в меньшей степени были разрушены ударами с воздуха.

К 1941 году в Орле проживало 110, 6 тыс. человек. В городе имелось 57 промышленных предприятий. Здесь действовало 32 школы, 14 специальных высших и средних учебных заведений. Важную роль в жизни жителей города играли медицинские учреждения. Работал драмтеатр, филармония, 4 кинотеатра, областной Дом народного творчества, товарищество «Художник» с отделением Союза советских художников, 10 клубов; 1 областная, 6 городских, 2 детских библиотеки и три музея: краеведческий, антирелигиозный и музей И. С. Тургенева, один из наиболее часто посещаемых. Горожане активно готовились к защите Родины, сдавая нормы на значки ГТО и БГТО («Будь готов к труду и обороне»), популярностью пользовался и городской аэроклуб. В 1940 году он располагал 14 самолетами У-2.

Предвоенный период запомнился населению серийными арестами и увольнениями, не прекращавшимися по сути до самой войны. В 1937-1938 годах особой тройкой УНКВД по Орловской области было осуждено 11466 человек, к расстрелу приговорено 3631 человек, заключению в ИТЛ — 7835 человек. 221 «классово чуждый элемент» был уволен на Орловском отделении железной дороги. Первые лица города — председатель городского Совета депутатов трудящихся А. Г. Минценгоф и заместитель председателя Н. М. Ворошин, а также двое бывших ранее председателя Орловского горсовета М. В. Девятов и С. Ф. Трифоновский были арестованы, первые трое приговорены к расстрелу, а Трифоновский осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Гражданам, не понимавших истинных причин массовых

репрессий, но знавших арестованных, хотелось верить, что многие из их знакомых или родственников были арестованы по ошибке. Наивность, которая проявлялась подобным образом, не раз отзывалась тяжелыми разочарованиями, сказавшимися впоследствии.

Старые орловцы вспоминают, что духовное лицо довоенного Орла определяли люди уже нерелигиозные, но их общественная мораль строилась на отношениях коллективизма, взаимной выручки, помощи товарищам. В городе оставалось значительное количество представителей старой интеллигенции, чья культура опосредованно, а когда и непосредственно также влияла на существовавшее окружение. Старая религиозная мораль, уходящая в прошлое, тем не менее, не уходила совсем; она проявлялась в человеческом отношении друг к другу на бытовом уровне. Кроме того, при всех тяготах и негативных факторах 30-х годов, общественные отношения на этом вот уровне определяли люди, как правило, не отягощенные психологией потребления. Напротив, зачастую их идеалом был известный аскетизм в самых различных его проявлениях, аскетизм, граничащий с самопожертвованием. Именно такие люди воспитывали будущих воинов 41-го года.

Тяга к знаниям, воспитание воли, тренировка навыков, необходимых для обороны страны, занятия спортом, увлечение радиodelом отличали молодёжь довоенного периода. Задача формирования советского образа жизни вытесняла прежние религиозные установки, но предлагала активный образ жизни, в основе которого лежало служение родине, хотя и на иных принципах, что имелись до революции.

Партийное руководство, находившееся у власти страны, отводило важную роль воспитанию подрастающего поколения в духе революционных традиций. Средства массовой информации, газеты, книги, кинематограф были призваны решать эту задачу. Дома пионеров, школьные клубы и пионерские комнаты также работали в русле основного принципа. При этом возникло небывалое до этого движение за образование ребёнка, за его здоровье, за раскрытие его способностей. Всевозможные кружки, особенно спортивные, пионерские лагеря, библиотеки и школьные театры способствовали этому в полной мере.

В декабре 1936 года Орловский горком ВКП (б) принял решение о проведении новогодних ёлок в школах, детских садах и детских домах. Были организованы три общегородские ёлки: в Доме культуры железнодорожников, куда приглашались отличники учебы и дети стахановцев, в городском театре и клубе «Ударник».

Новогодние ёлки до войны продавались в Первомайском сквере (ныне сквер Танкистов). Заметки с названием «Не губите молодые ёлки» более не появлялись в детских стенгазетах.

Домашние развлечения были скромнее. Если были деньги, родители давали их «на кино» или на мороженое. Маленькие орловцы навсегда запомнили, как около Первомайского сквера (современного Танкистов) стояла коляска на двух колёсах. В ней находились тяжеловесные медные баки с крышками, в которых хранилось мороженое. Мороженое было разное — белое или фруктовое, розовое. Мороженщик в белом халате брал с маленькой ладошки монетки и начинал свое священнодействие. Главным предметом была ручка и стаканчики на её конце, размером маленькие, средние и большие. Прибор применялся в зависимости от того, порцию какого размера вы заказывали. Ручка двигалась вверх-вниз как шприц. В стаканчик на дно клалась круглая вафля, потом он наполнялся мороженым; всё это накрывалось сверху ещё одной вафлей. Прямо на глазах у детворы мороженщик выдавливал вожделенный холодный шарик, закрытый вафлями. Иногда на них были оттиснуты имена.

На углу 5-й Курской улицы (ныне Фомина) продавались разноцветные леденцы, сделанные по форме нынешних ирисок — тёмно-красные и светло-красные, жёлтые, даже зелёные. Эти леденцы и назывались ирисками. Варились они из жжёного сахара. На лоточках лежали целые пласты таких леденцов. Их отламывали штучками. Там же можно было купить петушка на палочке. В начале 30-х годов старорежимные петушки дополнились продукцией нового ассортимента, и тогда в Орле появились леденцовые кавалеристы-будённовцы на коне, в шлемах со звездой на палочке и пистолеты с рифленой щёчкой – уже без палочки. Леденцовый пистолет держали за рукоятку. Сначала слизывалось дуло, а потом и другие части. Пистолет был красно-коричневый, большой, примерно 10-12 сантиметров.

С 1936 года юные орловцы могли близко ознакомиться с продукцией Орловской кондитерской фабрики, выпускавшей «мягкие конфеты в шоколадной глазировке, карамель, нижегородские и лимонные пряники, саксонки и багдадские пирожки». При невысокой зарплате жителей города такие лакомства дети получали довольно редко.

С родителями или родственниками дети ходили гулять в городской парк. Там, вблизи советского кладбища с колокольни бывшего Петропавловского собора люди прыгали с парашютом. Подобный аттракцион описывал Сергей Михалков в «Дяде Стёпе»: «А внизу народ хохочет — Вышка с вышки прыгать хочет!» Пока взрослые прыгали, дети наблюдали за ними внизу.

Игрушек, как ни странно, было не так уж мало. Некоторые из них делались недорогими. При этом игрушки также были нацелены на развитие способностей ребёнка. В орловских магазинах, например, продавался лев, который крепился к стене. В раскрытую пасть льва нужно было точно попасть мячиком, тогда та захлопывалась со звуком щёлканья зубами. Сначала вы радовались тому, какой вы меткий, затем бросались вынимать мячик, чтобы кидать его снова и снова, тренируя руку и глазомер. Имелась игрушка на развитие логики: набор волк, козёл, капуста, лодка и старик, всё небольшого размера, сделанные из фарфора. Персонажей надо было перевезти на лодке так, чтобы один «не съел» другого.

Среди популярных недорогих игрушек уверенно орловскими детьми уверенно назывались два деревянных медведя, между которыми находился пень. В лапах медведи держали топоры. Звери приводились в движение палочкой, оба при этом по очереди били по пню.

На рынке и в комиссионных продавались игрушки разные, в том числе и дорогие. Особенно ценились кони. Из-за их дороговизны их почти никому не покупали. У отдельных счастливых имелись кони на подставке с четырьмя колёсами, с жёлтой гривой и хвостом жёлто-седого цвета. Весь процесс изготовления такого коня описан в стихотворении Владимира Маяковского: «Сын отцу твердил раз триста, За покупкою гоня: Я расту кавалеристом, Подавай, отец, коня!» В детских магазинах Орла в ассортименте были также представлены различные виды оружия — ружья, стреляющие одним пистолетом, ружья, стреляющие пистолетной лентой, пистолеты и сабли. Эти предметы также «работали» на формирование будущего защитника родины. В популярной детской песне того времени на стихи В. Маяковского пелось: «Возьмём винтовки новые, На штык флажки. И с песнею в стрелковые Пойдём кружки». Когда разрешили ставить новогоднюю ёлку, которая была запрещена как рождественское дерево, в магазинах стали появляться маленькие ёлочные флажки, где наряду с зайчиками и собачками, изображались скрещенные винтовки, мишень и летящий вперёд паровоз с красной звездой.

Потрясающей воображение и почему-то недорогой игрушкой (имелись, как рассказывают очевидцы, у многих на Пересыханке), были небольшие, с детскую ладонь, тонкие металлические лодочки. Их передняя часть была закрыта, задняя — открыта. Под металлической частью стоял маленький металлический же бачок, плоский, квадратный. От него шли тоненькие трубочки и выходили наружу. В эти трубочки пипеткой закачивалась вода, под бачок ставилась свечечка, которую зажигали. Маленькая колбочка нагревалась, вода

начинала испаряться, пар шёл по трубочкам и выбрасывался назад; лодочка же плыла вперёд. Её пускали в корыте или, если имелась таковая, то в ванне.

Недорогой, но желанной покупкой считалась глиняная свистулька в виде соловья. В неё наливалась вода, вы дули, вода бурлила, и соловей «пел». В магазинах перед войной продавались и разного размера резиновые мячики – половина красная, половина зелёная, между ними — белая двойная полоска; в продаже можно было найти и одноцветные мячики, расписанные узорами. Самым непритязательным был маленький чёрный мячик, размером с яблоко. Им били об стенку. Такие были почти у всех.

Но обыкновенно дети того времени сами делали себе деревянные сабли, ружья и лодки. Лодочки пускались по ручьям после сильного дождя. Дети очень любили появление старьевщиков. Те ходили по дворам, и у них всегда было много игрушек. Особенно запомнились маленьким орловцам глиняные свистульки в виде петушка и шарики на тонких резинках. Шарики подскакивали на резинке, детишкам нравилось. Игрушки давались в обмен на старую обувь, галоши и одежду. Эти вещи выпрашивались у взрослых и относились старьевщикам. С дореволюционных времен в Орле любили запускать воздушного змея. И в 30-е годы роскошные змеи с мочальными хвостами гордо реяли над Орлом. О, это было целое искусство — сделать змея и запустить его. Змей привязывался к катушке с толстыми нитками. Когда он поднимался вверх, катушка постепенно разматывалась, и змей взлетал. Игрушка возвращалась на землю простым сматыванием катушки.

Взрослые держали голубятни, по-орловски «голубни». Это увлечение перешло в новое время с дореволюционных времен.

Неузнаваемо изменившимся, растущим и строящимся, встретил город Орёл начало Великой Отечественной войны.

§ 10. Орловская область в период 1941–1943 годов.

Основой данного параграфа послужили материалы книги «Орёл из века в век. Летопись основных событий 1566–2000». Орёл, 2003.

В ходе общего наступления на Москву войска 2-й танковой группы Хайнца Гудериана подошли к Орлу 3 октября 1941 года. Гитлеровцам оказали сопротивление зенитчики, батальон конвойного полка НКВД, чекисты и ополченцы истребительных батальонов. Используя старую Кромскую дорогу, германские части вошли в Орёл в районе парка «Ботаника». По городу они двигались без сопротивления. Позднее в город десантировались части 201-й воздушно-десантной бригады, погибшей в неравном бою с фашистами. На месте гибели десантников ныне установлена часовня во имя Александра Невского. Гудериан писал: «Захват города произошёл для противника настолько неожиданно, что, когда наши танки вступили в Орёл, в городе ещё ходили трамваи. Эвакуация промышленных предприятий, которая обычно тщательно подготавливалась русскими, не могла быть осуществлена. Начиная от фабрик и заводов и до самой железнодорожной станций, на улицах повсюду лежали станки и ящики с заводским оборудованием и сырьём» Тем не менее, в эвакуацию были отправлены специалисты и оборудование целого ряда предприятий, в числе которых завод текстильного машиностроения, завод № 5 и им. Медведева, обувная фабрика им. Коминтерна, биофабрика, трикотажная и швейная фабрика, Орловский педагогический институт, архив и др. Был эвакуирован ряд объектов культуры, в том числе областной драмтеатр, музей Тургенева и краеведческий музей; увезено на восток более 13 млн. пудов хлеба, наиболее ценное оборудование крупных предприятий, более 3 тыс. тракторов, 1569 комбайновых моторов, сотни тысяч голов скота.

Началась оккупация Орла, длившаяся 22 месяца. *Оккупация (от лат. occupatio — захват, занятие) в общем случае — занятие вооружёнными силами государства не принадлежащей ему территории, не сопровождающееся обретением суверенитета над ней, обычно временное. Оккупацию следует отличать от аннексии, т.е. акта присоединения государством всей или части чужой территории в одностороннем порядке.*

Оставив Орёл, советские войска в течение восьми суток сдерживали врага на пути к Мценску. К декабрю 1941 года враг захватил 64 из 66 районов Орловской области в её прежних границах. Из 66 районов Орловской области не были оккупированы лишь Задонский и Краснинский районы. В январе

1942 г. в ходе наступления Красная Армия освободила 8 районов области. Однако, Мценский, Новосильский, Верховский, Русско-Бродский, Ливенский, Никольский и Должанский районы оказались разделёнными между воюющими сторонами. Таким образом, часть районов находилась в оккупации около месяца, 10 — более года, а остальные 46 — чуть более двух лет.

Организация «новой власти», карательная и пропагандистская деятельность.

На оккупированных территориях гитлеровцами был установлен Новый порядок (*Die neue Ordnung*). В соответствии с ним славян как представителей неарийской, то есть низшей расы, требовалось «цивилизовать», частично уничтожив, частично переучив; евреев, цыган и сербов предполагалось ликвидировать полностью. В число оккупационных сил, присутствовавших на Орловщине, помимо немцев, входили итальянцы, финны и венгры. Оккупанты расселялись в домах местного населения.

Уже в октябре 1941 года началась регистрация населения и его одновременная фильтрация. В обязательных анкетах требовалось ответить на вопросы о национальности, партийности, взаимоотношениях в семье. По данным на лето 1942 года в Орле прошли регистрацию 38 тыс. жителей.

Все трудоспособное население должно было бесплатно выполнять тяжелые физические работы по сооружению укреплений, строительству и ремонту шоссе и железных дорог, расчистке снежных заносов, устройству и ремонту военных аэродромов, в сельском хозяйстве и т. д.

Для управления в Орле создавалось так называемое «Орловское городское самоуправление», в обиходе именуемое «управой». Центральная управа размещалась в здании Банка (возле совр. театра «Свободное пространство»). Здесь же находилось и сыскное отделение полиции, известное как «русское гестапо». Во главе управы стоял бургомистр, который подчинялся гарнизонному коменданту Орла. Первым бургомистром стал Шалимов, вторым и последним — Старов. Кадры для управы вербовались из местных предателей, проходивших жёсткую проверку. В каждом из 3 городских районов появился полицейский участок Городской стражи. Действовал суд.

С 8 июля 1942 г. на должность военного коменданта города был назначен генерал-майор Адольф Гаманн.

На совести Гаманна — сотни уничтоженных жителей Орловщины. В декабре 1945 г. военный преступник Гаманн был приговорен военным три-

буналом к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение 30 декабря 1945 г. на площади Брянска.

Сыскное отделение полиции, так называемое «Русское гестапо» (ул. Черкасская, 51), осенью 1941 г. возглавил Михаил Букин, известный особой жестокостью по отношению к подпольщикам.

Комиссар гестапо г. Орла дал Букину следующую характеристику: «Букин был одним из злейших врагов коммунистов и советской власти. Точно выполнял все задания гестапо, сам проявлял большую инициативу в деле преследования мирного советского населения, выступающего против немцев». Суд над Букиным проходил в ноябре 1957 г. в здании Орловского Учётно-кредитного техникума. По приговору суда предатель был расстрелян как изменник Родины.

Во время оккупации германские власти проводили казни населения, вешая патриотов и коммунистов. Умерщвлённых в машинах-душегубках вывозили для захоронения в Медведевский лес и Андриабуж. Там же проводились расстрелы орловских граждан.

В сельской местности оккупанты испытывали страх в связи с присутствием партизан. Особо охранялась линия железной дороги. Во избежание диверсий на железнодорожном полотне, гитлеровцы брали заложников из лиц местного населения, которые расстреливались в случае порчи путей.

В декабре 1941 г. гитлеровцы устроили расправу над населением деревень Николаевки и Журиничи. Обвинив жителей в связи с партизанами, фашисты расстреляли 180 семей (до 900 человек). В Урицком районе было уничтожено население деревни Колпачки, в Покровском районе — деревня Трудки («Орловская Хатынь»). В деревне Калькулев Верховского района, мстя за сгоревший склад, у каждого четвертого жителя, включая детей, были отрублены руки, носы и уши. Подобные случаи уничтожения жителей неоднократно имели место и в других районах области.

С началом начала оккупации в городской тюрьме был организован лагерь для военнопленных и гражданского населения, начальником которого был назначен майор Гофман. Узники гибли от истощения, инфекционных заболеваний, непомерных физических нагрузок. Попавшие в «блок смерти» расстреливались по вторникам и пятницам. На кладбище около городской тюрьмы в период оккупации было похоронено не менее 5000 человек.

Еврейское население было взято на учёт и обязано было носить отличительные знаки (жёлтые звёзды) на одежде, а также вывешивать их на дверях своих квартир. Весной 1942 г. оккупационные власти начали уничтожение евреев, назвав это «окончательным решением еврейского вопроса».

Подпольщик В. Берзин 26 мая 1942 года писал в своём дневнике: «Приказ комендатуры об изъятии всех евреев. ...Евреев отвели в Андриабужский лес, заставили рыть самим себе ямы, а потом расстреляли из пулемета. Детей закапывали живьём».

Одновременно уничтожались «неполноценные». В начале августа 1942 года была ликвидирована психиатрическая больница; её больные были частично расстреляны.

Из Акта Комиссии по нацистским злодеяниям: «...25 июля 1942 г. гестаповцы в сопровождении врача Ширмана пришли в психбольницу и заявили, что больница закрывается, а больные вывозятся в Белоруссию для продолжения курса лечения... Всех больных в количестве 92 человек насильно посадили в машины... Больные были вывезены в направлении деревни Некрасово. Их судьба была неизвестна, и только с освобождением г. Орла... были произведены раскопки у деревни Некрасово. Обнаружены лежавшие в беспорядке 72 трупа, на одежде которых было клеймо «областная психиатрическая больница».

В числе отпущенных немцами больных оказался известный орловский Христа ради юродивый Афанасий Андреевич Сайко, поселившийся в семье знакомого священника. В 1942 Афанасием Андреевичем было предсказано изгнание оккупантов из Орла «на следующий год».

Обработку населения в духе «нового порядка» осуществляла рота пропаганды, действовавшая в контакте с отделением гестапо. При роте работала политическая школа, взвод РОА («Русской освободительной армии» А. А. Власова), в котором насчитывалось 40–50 пропагандистов. Пропагандистским целям служили драматический театр «Пёстрая сцена», кинотеатр «Орёл»¹, хореографические ансамбли Черенкова и Боголюбского, радиоузел, печать и военная цензура. По городу расклеивались плакаты «Гитлер — освободитель».

В сентябре 1942 года открылся Театр кукол, которым руководил Россоловский. Сезон начался с премьеры сказки Шарля Перро «Красная шапочка». В конце спектакля из распоротого брюха волка появлялся злобный милиционер, уводивший волка в НКВД.

В орловских деревнях иногда появлялись кинопередвижки с художественными и документальными фильмами немецкого производства.

¹ Предположительно, переименованный к/т «Родина»,

Важные задачи пропаганды ставились перед газетой «Речь» (редактор Михаил Окταν). Ранее немцами выпускались «Орловские известия». В период оккупации выходила также «Дмитровская газета».

Необходимой частью пропагандистской работы немецкое командование считало поддержку церкви. 26 декабря 1941 г. с согласия германских властей был торжественно освящен храм Богоявления. С 23 февраля 1942 г. здесь было начато обучение детей Закону Божию. В течение 1942 года в Орле было открыто 5 храмов, в их числе которых были Крестительская, Никитская (Ахтырская), Троицкая кладбищенская церкви. Согласно данным Орловско-Ливенской епархии за время оккупации на территории современной Орловской области было открыто не менее 30 церквей, на территории области в старых границах — более 130 храмов. Священнослужители, однако, не оправдали надежд оккупантов: церкви оказывали моральную поддержку населению, в том числе военнопленным.

Зимой власти разрешили открыть краеведческий музей и «Тургеневскую комнату» при нём. Основным фондом для организации музея послужили экспозиционные материалы, оставшиеся после эвакуации. Музей имел отделы: живой природы, археологии и геологии, истории, литературы.

29 июня 1942 года по приказу городской управы возобновилась работа библиотеки.

С первых дней оккупации в библиотеке им. Н. К. Крупской была устроена казарма. Вся ценная литература, атласы и карты отправлены в Германию; часть книжных фондов предана сожжению. После открытия в библиотеке были запрещены к выдаче «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Полтава» А. С. Пушкина, «Бородино» М. Ю. Лермонтова, другие патриотические книги.

В марте 1942 г. было издано распоряжение об открытии школ, призванных нести молодёжи новую идеологию: «Для освобождения молодёжи от большевистского влияния... ввести всеобщее обязательное школьное обучение (за исключением евреев) для детей от 7 до 14 лет включительно в городах и от 7 до 11 лет — в деревнях. От введения предмета «история» следует воздержаться. Обучение в начальных и народных школах бесплатное». Вместо «Истории» вводился курс «Текущие события», где на сравнении советской и германской действительности оккупанты пытались объяснить преимущества германского государственного строя

Школы открывались в уцелевших зданиях, откуда выселялись германские части. В частности, в Пятницкой слободе Пригородной волости занятия возобновились в бывшей начальной школе № 35, в районе Рабочего городка — в бывшей начальной школе № 13, в Стрелецкой слободе — в бывшей деся-

тилетке № 12. За непосещение учащимися школы с родителей взимался штраф в размере месячной зарплаты (200 р.). С 1 сентября 1942 г. в Орле работали 2 начальные школы — № 1 и № 2. В школе № 1 имелось 16 классов, в которых числилось 649 человек. Орловское медучилище начало подготовку стоматологов.

Старые праздники германские власти пытались наполнить новым содержанием. 1 мая, бывший Международный день солидарности трудящихся, был переименован оккупационными властями в «День национального труда» (1942).

1 мая 1943 г. было объявлено выходным днём. Праздничные колонны демонстрантов из трёх районов города, как пишет газета «Речь», направлялись в центр Орла, где возле Георгиевской церкви (ныне место к-ра «Победа») прошёл торжественный митинг. Русским служащим были розданы подарки – сувениры и табак, дети в Городском саду бесплатно угощались кофе и пирожными. Хотя газета «Речь» и сопровождала информацию фотографиями, воспоминаний об этом факте не имеется.

В августе 1943 г. накануне отступления гитлеровцев из Орла комендант города Гаманн издал приказ: «Орёл объявляется боевой зоной. Гражданское население должно немедленно покинуть город в западном направлении. Покидание города в другом направлении будет воспрепятствовано силою оружия... Каждое гражданское лицо, которое после наступления темноты будет встречаться на улице, будет расстреляно».

Если первый этап отправки населения в Германию представлял собой унижительную работу в рейхе с проживанием впроголодь, второй являлся прямым вывозом трудоспособного населения с советской территории.

Отступая, германские войска взрывали и сжигали здания, уничтожая сохранившуюся после всех бомбёжек инфраструктуру, железнодорожные рельсы вырывались из креплений с использованием специального механизма.

Однако, основные потери понесло население. В Орле было убито и замучено 11 тыс. человек. За период оккупации в фашистское рабство угнаны десятки тысяч городского населения, главным образом молодёжь 1917–1928 годов рождения. Только за последние перед освобождением пять дней из Орла было отправлено в Германию 14 тысяч человек. В результате массового зверского убийства населения, арестов и пыток, смертности от голода и эпидемических заболеваний, принудительной отправки населения в Германию произошло резкое снижение численности населения в городе. Если до оккупации в Орле проживало 114 тысяч человек, то после его освобождения насчитыва-

лось около 30 тысяч. Всего по области фашистами было уничтожено более 80 тыс. человек, в том числе 4 700 детей.

Экономическая политика оккупантов.

С начала оккупации снабжение населения продовольствием практически отсутствовало. Чтобы утолить голод, толпы горожан шли к городскому элеватору, хранившему подожжённое отступавшими советскими войсками зерно. Но его запасы быстро иссякли, и основным источником существования многих стал обмен вещей на продукты в окрестных сёлах. Посты полевой жандармерии проверяли жителей на выходе из города, требуя удостоверение личности («аусвайс»).

5 декабря 1941 г. в здании средней школы № 2 открылась биржа труда, куда были обязаны явиться для регистрации мужчины и женщины с 14 до 55 лет — жители города и ближайших окрестностей, не имевшие постоянной службы или работы. На евреев объявление не распространялось.

Здесь же, на бирже, проводилась вербовка рабочей силы в Германию. За отказ подписать «трудовое обязательство» военная комендатура арестовывала отдельных граждан и держала в подвале по 3—5 суток, принуждая к соглашению. Отправке в Германию население предпочитало даже преднамеренное увечье. За период оккупации из Орла было угнано в рабство 3 674 чел. Всего по Орловской области — 56 490 человек.

Орловский губернский сельскохозяйственный штаб (комендант Дитмар) и земельное управление помещалось на Октябрьской улице в Орле. Германские власти планировали перестройку сельского хозяйства. Население разбивалось на «семидворки», которые являлись переходной формой к единоличному, индивидуальному хозяйству. Общинные хозяйства подчинялись уездному сельскохозяйственному штабу. Его возглавляли гитлеровские офицеры. Община выбирала старосту. В целом ряде случаев в числе старост оказывались бывшие председатели колхозов или учителя, люди, которым доверяло население в тяжёлое время. Старостами становились и предатели.

Сельская община являлась источником снабжения германской армии продовольствием, поскольку сбор налогов с населения производился сельхозпродуктами. Поэтому хозяевам не разрешалось забивать скот без разрешения властей. Официально германским военным запрещалось проводить изъятие продукции, однако её конфискации продолжались до середины 1942 года. Заготовленная продукция также вывозилась в Германию. Туда же вывозился лес и другие материальные ценности.

Русские сотрудники снабжались по карточкам. В 1943 году в Орле работало 3 городских пекарни, 14 пунктов продовольственного снабжения, общественные столовые; продовольственные рынки. Для приезжающих на рынок крестьян в Орле был открыт постоянный двор с конюшней. Регулярно привозившие на рынок товары получали талоны на дефицитные товары — соль, табак, мыло и т.д. Самым дефицитным из товаров считалась соль. Если её удавалось выменять у немцев, на проданный 1 кг соли можно было месяц кормить семью из 3–4 человек.

Оккупанты пытались восстановить в городе объекты промышленного производства. Постепенно начали работу молокозавод, пивоваренный завод и махорочная мастерская, производившие продукцию в небольших объёмах. В 1942 году открылся плодово-овоще-консервный комбинат (директор Н. Н. Анисимов). С трудом был налажен выпуск отдельных партий конфет, мармелада, солёных грибов и помидоров. Однако, столь незначительные предприятия не могли обеспечить работой граждан города, многие из которых, к тому же, ни при каких условиях не хотели работать на оккупантов.

Чтобы уклониться от службы оккупантам, жители предпочитали регистрироваться как кустари-одиночки, то есть занимались каким-либо ремеслом. Значительное количество граждан, не находя источника существования, умерло от голода.

В 1942 г. силами военнопленных было начато строительство узкоколейной железной дороги Оптуха — Болхов — шахта у населённого пункта Ново-Игинский. В конце 1942 г. оккупантам удалось открыть движение от ст. Оптуха до Болхова. Весной 1943 г. военнопленные были отправлены на участок строительства узкоколейной железной дороги от Болхова до окрестностей населённого пункта Кирейково.

Подпольщики Орла.

С лета 1941 года руководство Орловской области готовило кадры для подпольной работы. В каждом районе были составлены списки будущих отрядов партизан и подпольщиков. В их число включались, прежде всего, члены партии и комсомольцы. Но, воспитанные в духе патриотизма, многие молодые люди начинали самостоятельно действовать против гитлеровцев.

Так, 5 октября 1941 года юные орловцы Владимир Александров и Владимир Савинов подожгли обувную фабрику с большим запасом кожи. 4 ноября они были схвачены гестапо по доносу предателя и повешены в Первомайском сквере (сквер Танкистов). Трупы Алесандрова и Савинова с табличками

«партизаны» висели до 7 ноября, затем были сняты с виселицы и захоронены в траншее. 28 ноября 1943 г., после освобождения Орла, они перезахоронены в сквере Танкистов, ныне их могила находится на воинском секторе Троицкого кладбища. В январе 1942 года оккупанты повесили в том же сквере подростков А. Матвеева, И. Кочергина и Д. Ключникова за неявку на работу.

С октября 1941 г. в Орле действовала подпольная комсомольско-молодежная группа под руководством ученика 10-го класса средней школы № 32 Владимира Сечкина. В нее входило более 20 человек, среди них — Нина Алексеева, Евгений Цыганков, Александр Подделков, Мария Земская, А. Чеченев и другие.

Подпольщики установили контакт с партизанами через связную Первой Курской партизанской бригады Марию Антоновну Ушакову. Молодые патриоты проводили разведку военных объектов, добывали оружие и боеприпасы для партизан. Ими были организованы два крушения товарных эшелонов. Подпольщики готовили взрыв городского театра, где оккупанты должны были праздновать 3 октября 1942 года «День освобождения города Орла» и «День урожая». Накануне операции по доносу предателя члены организации были схвачены и казнены после пыток. Единственный отпущенный подпольщик, умер от побоев в гестапо в тот же день. Мария Земская была расстреляна с 10-мес. дочерью Вале́й.

Володю Сечкина, секретаря комсомольской организации 32-й школы, отличного спортсмена, и Нину Алексееву хорошо знали многие. Вспоминает Людмила Ивановна Алексеева: «Пионерской вожатой в нашем 6 классе была Нина Алексеева. Та самая Нина, которая в годы оккупации стала подпольщицей... Нина была очень, очень красивая, изящная. Весёлая какая была! Мы так её любили. Да её все любили. Мы так ждали пионерских сборов! Нина танцевала перед нами, выступала на всех вечерах и нас привлекала... Я помню митинг в школе по поводу гибели подпольщиков. Это было летом 1943, когда школа вновь организовывалась. Сама школа была разрушена. Поэтому митинг собрали во дворе или на улице. Пришли и родители погибших ребят. Я видела маму Володи, его сестёр. На митинге сказали, что их дети были награждены. Всех было жалко.

Тогда многие семьи потеряли своих детей. Вот, например, семья наших соседей Халиковых... Халим Халиков окончил 32-ю школу и учился потом в мединституте в Москве. Халим ушёл на фронт, воевал всю войну, а погиб 9 или 10 мая в Берлине. Его товарищи прислали в Орёл письма для его семьи». (Из книги Л. И. Алексеевой «Моя 1-я Курская». Орёл, 2007).

С начала оккупации в Орле действовала подпольная группа, которой руководил директор школы № 26 А. Н. Комаров-Жорес. Подпольщикам удалось совершить взрыв немецкого штаба, поджог крупного склада горючего, автомастерской, гаража. Члены группы вели активную работу с военнопленными, находившимися на излечении в Русской больнице. Выздоровевших бойцов снабжали паспортами, одеждой и помогали им устроиться в городе. В сентябре 1942 г. гестаповцами были арестованы и после пыток расстреляны 19 человек, в том числе Жорес, М. А. Суров, Г. М. Огурцов, А. Г. Евдокимов и их товарищи.

10 ноября Совинформбюро сообщило о взрыве в Орле 150 фашистских офицеров в Орловском ресторане «Коммуналь». Партизаны забросали помещение ресторана гранатами и бутылками с зажигательной смесью.

В течение 1942–1943 гг. в Орле продолжали действовать подпольные организации. В их числе — группы Марии и Николая Остапенковых, В. И. Семенова, В. Логвинова, Полякова. Комсомольцы-подпольщики распространяли листовки, занимались диверсиями, добывали оружие, совершали террористические акты. Подпольщики были также раскрыты и уничтожены врагом.

Активно действовала молодежная группа на Орловском железнодорожном вокзале, возглавляемая слесарем вагонного депо Николаем Авицуком. В неё также входили старшеклассники средних школ: В. Афанасьев, А. Сотников, Н. Бархоленко, Н. Новиков, Г. Севастьянов, В. Ерохин и др. В марте 1943 г. по доносу предателя группа была арестована. Семеро участников группы были расстреляны. Н. Авицук приговорён к каторжным работам, но спустя 5 месяцев бежал из концлагеря.

22 июня 1943 г. В. Афанасьевым, А. Сотниковым и Г. Севастьяновым был застрелен при выходе со службы начальник тайной полевой полиции Бено Кукавка. В. Афанасьев и А. Сотников были убиты на месте, Г. Севастьянов казнён после пыток.

После долгих истязаний в конце декабря 1942 г. был расстрелян советский разведчик «Зимовщик» — Николай Борисович Челюскин (уроженец с. Колпна, сын дворянина, по профессии артист). В мае 1942 г. после перепроверки биографии Челюскин был принят в орловскую полицию на должность начальника паспортного стола, после чего подпольщики регулярно стали снабжаться немецкими документами. Установив связь с подпольем, Челюскин слал добытую им информацию в Центр. Осенью начались массовые аресты подпольщиков. В их числе в сентябре арестован и Челюскин.

Оккупационные власти, обеспокоенные активностью подпольщиков, с марта 1942 года усилили меры безопасности. Перемещение по городу и за его пределы было резко ограничено. В газете «Речь» опубликовано следующее объявление: «...Населению сельских местностей и города Орла запрещено приходить в город и выходить из него... Хождение по городу разрешается только с 6 часов утра до 17 часов вечера по берлинскому времени. Лица, нарушающие этот приказ, будут задерживаться и подвергаться наказанию». Расстрел был наказанием за приближение к железнодорожным путям, за любое противодействие германским властям. Но акты противодействия не прекращались.

Иногда они приобретали уникальные формы, как это было в случае с «Русской больницей». На момент оккупации в городе остался не успевший эвакуироваться военный госпиталь № 399. Раненые бойцы были выброшены гитлеровцами из помещения госпиталя. С помощью местных жителей их удалось переправить в областную больницу. 5 октября произошло объединение больницы и госпиталя на базе инфекционной больницы в Школьном переулке. Русскую больницу возглавил военврач В. А. Смирнов. Судя по воспоминаниям очевидцев, главным организатором лечебной помощи и «душой» всего дела стал известный орловский врач Владимир Иванович Турбин. В больнице работали доктора А. А. Беляев, Б. Н. Гусев, С. П. Протопопов. В тяжелейших условиях повседневной опасности, персонал «Русской больницы» спас жизни сотням бойцов и командиров, лечившихся под видом местных жителей. В 1943 году «Русская больница» передала командованию свыше 200 красноармейцев, а прибывший сюда представитель воздушной армии принял 22 боевых лётчика.

Организация и действия орловских партизанских отрядов.

В октябре 1941 г. в Москве была создана оперативная группа по организации и руководству партизанским движением в Орловской области. Брянский штаб партизанского движения при Военном Совете Брянского фронта возглавил первый секретарь Орловского обкома ВКП(б) А. П. Матвеев. Обязательное в годы Советской власти партийное руководство осуществлял Орловский областной комитет ВКП(б), находившийся в Ельце.

В течение 1942 года партизаны Орловской области провели сотни боевых операций, освободили от оккупантов и удержали под своим контролем обширную территорию 16 районов, получившую название Брянского партизанского края. Она тянулась на 260 км с севера на юг, на 40–50 км с востока на

запад и включала более 500 населенных пунктов с населением свыше 200 тысяч человек. К 1943 г. в зоне активно действовали 139 партизанских отрядов, объединённые в 27 бригад. В них сражалось 60 тыс. человек и артиллерийский полк. Это был настоящий бастион в тылу врага, выдержавший неоднократные атаки карателей и регулярных войск гитлеровской армии. Важным моментом борьбы было противостояние партизан так называемой Локот(ь)ской республике, создаваемой гитлеровцами как образец «нового порядка». Удар по «республике» партизаны нанесли в ночь на Рождество 1942 года. Бургомистр Воскобойник(ов) был смертельно ранен и через несколько дней скончался в госпитале в Орле. Его место занял бывший главный инженер местного спиртзавода Б. Каминский, возглавивший в дальнейшем РОНА¹, ставшую впоследствии 29-й гренадерской дивизией СС.

В пределах современной Орловской области активно действовали Дмитровский, Троснянский и Знаменский партизанские отряды. Сопrotивление врагу оказывал Покровский отряд, в Урицком районе центром партизанских действий стало село Городище, в Хотынецком действовало подполье в селе Алехино и так далее².

31 августа 1942 г. руководителей орловских партизан принял И. В. Сталин. 1 сентября Указом Президиума Верховного Совета СССР Д. В. Емлютину и другим партизанским командирам было присвоено звание Героя Советского Союза. За партизанские действия такая награда давалась впервые.

План разгрома войск Красной Армии на Курской дуге предусматривал спецоперацию по полной ликвидации партизан, которые развязали против оккупантов «рельсовую войну».

Так, 8 марта 1943 года партизаны взорвали так называемый Голубой мост через реку Десну в районе Выгоничей, на восстановление которого оккупантам потребовалось 30 суток.

Для борьбы с партизанами были собраны все силы РОНА Каминского и восемь полков РОА Власова, которые перебросили с Украины. Жестокие карательные операции велись в мае-июне 1943 г. Против брянских партизан из-под Орла были переброшены 4-я танковая, 10-я моторизованная, 7-я, 292-я, 113-я пехотные дивизии, 47-й, 5-й и 7-й отдельные танковые полки. Кроме того, в наступлении участвовали 3 немецкие охранные дивизии и 3 венгерские пехотные дивизии. В общей сложности в бой была брошена армейская груп-

¹ Русская освободительная народная армия.

² См. подробнее: Гольцова А. Неизвестные партизанские отряды под Орлом. – Краеведческие записки. Орел, 1999. Ашихмина Е.Н., Ливцов В.А. Орел-Орловское Полесье. Путеводитель по экскурсионному маршруту. Алехино-Алисово. Орел, 2007

пировка войск противника в составе двенадцати дивизий. Операция поддерживалась немецкой авиацией, артиллерией и 120 танками. Шквальный огонь по позициям партизан начинался в 10 часов утра и заканчивался в 4 часа ночи в течение нескольких недель. Карателям удалось в двенадцать раз сократить территорию влияния орловских партизан. У партизан заканчивались боеприпасы, раненые умирали без медикаментов. Вместе с партизанами находились их семьи с детьми и домашним скарбом. И, тем не менее, Партизанский край устоял. В течение двух следующих месяцев на территории Орловской области было пущено под откос около ста эшелонов с военной техникой и живой силой противника.

Освобождение Орла и подведение разрушительных итогов оккупации.

4 августа 1943 г. советские войска полукольцом с севера и северо-востока охватили Орёл и начали общее наступление на город. С северо-востока наступали танковая группа в составе 17-й гвардейской танковой бригады 34-го отдельного гвардейского танкового полка 1-го гвардейского танкового корпуса и 380-я стрелковая дивизия. Танкисты прорвались на улицы Пушкина и Московскую. На следующий день 5 августа в 4 час. 40 мин. 129-я стрелковая дивизия с основными силами вошла в город. К 16 час. Орёл был освобождён от гитлеровцев. На доме № 11 по ул. Московской сержанты 1262-го стрелкового полка 380-й стрелковой дивизии Образцов В. И. и Санько И. Д. водрузили красный флаг (16 августа 1943 г. флаг был снят и передан на вечное хранение в Артиллерийский исторический музей РККА). Вечером, в 24 часа, в честь освобождения городов Орла и Белгорода в Москве был дан первый в истории Отечественной войны артиллерийский салют 12 залпами из 120 орудий. В ознаменование победы 5, 129 и 380-й стрелковым дивизиям, первыми ворвавшимся в г. Орёл и освободившим его, присвоено наименование «Орловских».

С 5 по 7 августа герои-танкисты были похоронены в братской могиле в Первомайском сквере (ныне сквер Танкистов). Здесь был установлен подбитый в последнем бою танк Т-70 командира роты старшего лейтенанта Марченко С. В. 18 августа 1943 года Первомайский сквер переименован в сквер Танкистов. Писатель А. С. Серафимович, побывавший в Орле в первые дни после его освобождения, писал: «Прекрасные здания старинного города были превращены в груды дымящихся чёрных кирпичей... Мосты, дороги, колодцы, электростанции, водопровод — всё было взорвано: ни воды, ни света, ни

проезда». По данным городской комиссии по учёту зверств и разрушений, нанесённых оккупантами городу Орлу и его жителям, взорваны и уничтожены завод № 5, им. Медведева, завод № 9, выпускавшие до оккупации снаряды, минометы, бензо- и маслозаправщики, станки; завод «Главпищемаш», обувная фабрика им. Коминтерна, пивоваренный завод, два хлебозавода, швейная, шпагатная, трикотажная и кондитерская фабрики, электростанция, винный, водочный и асфальтовый заводы, трамвайный парк и вагоны, 4 водонасосные станции, 3 водонапорные башни и водопровод; два банно-прачечных комбината, типография «Труд», ФЗУ¹ трёх заводов, железнодорожный узел, технические сооружения. Разрушены городская и междугородная связь. Взорваны два чугунных моста через реки Оку и Орлик и 6 деревянных мостов. Уничтожены здания учебных и культурных заведений, больницы, поликлиники, санатории, почти все крупные многоэтажные дома.

Орловская область в прежних её границах была освобождена в сентябре 1943 г. Картина тотальных разрушений наблюдалась во всех её районах. Так, в Урицком районе было уничтожено около 5 966 жилых домов из 7 000, в концлагерях было замучено 524 человека, в лагерях военнопленных на территории района погибло 450 человек. В ряде деревень, таких, как Нижняя и Верхняя Богдановка не осталось ни одного дома, в деревне Сергиевка из 96 домов уцелело только два. Фашисты расстреляли 151 жителя района, угнали в Германию более 800 человек. В Знаменском районе за время оккупации было расстреляно и замучено 264 мирных жителя. Насильственно угнано в немецкое рабство 270 человек. Помимо разрушения жилых домов и строений иного назначения, гитлеровцы сожгли 2 больницы, разрушили пенькозавод, маслозавод, кирпичный завод, 2 машинно-тракторные станции. В районе полностью было уничтожено 26 сёл и деревень. Факты тотальной утраты материальных ценностей, потери людей характерны для всех районов области. Ей предстояло трудное возрождение.

¹ Фабрично-заводское училище.